

шое впечатлѣніе; я полюбилъ ея автора и принялся жадно за чтеніе другихъ его сочиненій. Въ августѣ я отправился въ Харькъ. Тамъ былъ уже новый попечитель графъ Головкинъ, восьмидесятилѣтній старецъ, прошедшій жизнь заграницей и объяснявшійся по русски очень плохо. Первымъ его дѣломъ по вступленіи было утвердить всѣхъ неутвержденныхъ его предшественникомъ студентовъ. Намъ позволили держать экзаменъ и черезъ нѣсколько дней я былъ переведенъ на 2-й курсъ. Въ этотъ академическій годъ я проживалъ по прежнему у Сокольскаго, хотя уже въ другомъ домѣ, только что имъ отстроенномъ. Любовь къ латинскому языку и античному міру стала у меня охладѣвать. Я съ жаромъ увлекся французскимъ языкомъ, а съ зимы началъ заниматься и италіанскимъ. Между тѣмъ мнѣ пришло желаніе взяться и за музыку; я купилъ себѣ фортепіано за 300 р. ас. и договорилъ учителя; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ желаніе къ музыкѣ стало проходить, тѣмъ болѣе что музыка требовала занятій по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ въ день, а я на то совсѣмъ не имѣлъ времени. Съ большимъ постоянствомъ я испытывалъ свои силы въ стихотворствѣ, которымъ началъ заниматься еще во время своего пребыванія въ деревнѣ, куда удалился было, оставшись неутвержденнымъ въ званіи студента. Передъ тѣмъ любимѣйшимъ занятіемъ моимъ было изученіе древнихъ авторовъ и особенно Виргилія. Я получилъ вкусъ къ античному изображенію сельской природы и писалъ на русскомъ языкѣ идиллическія стихотворенія, употребляя гекзаметръ, который изъ всѣхъ размѣровъ мнѣ особенно нравился. Эти первые опыты остались ненапечатанными, а впослѣдствіи, увлекшись исторіей, я совершенно оставилъ стихописательство на русскомъ языкѣ¹⁾. Нѣкоторое обновленіе Харьковскаго университета, начавшееся съ новаго періода его исторіи—1835 года—и выразившееся въ приглашеніи новыхъ талантливыхъ преподавателей, имѣло рѣшительное вліяніе на Н. И. Костомарова—увлекло его на путь специально-историческихъ занятій, которымъ онъ предался со всѣмъ пыломъ своей увлекающейся натуры¹⁾.

Н. И. Костомаровъ, какъ мы видимъ, представлялъ изъ себя типъ студента, горячо преданнаго университетской наукѣ, любившаго поэзію и природу. На первыхъ курсахъ онъ увлекался нѣсколькими предметами, а въ концѣ сосредоточился на исторической наукѣ, которая сдѣлалась его призваніемъ и въ которой онъ самъ впослѣдствіи занялъ такое выдающееся мѣсто.

¹⁾ Литер. наслѣдіе, стр. 17—22.

Другимъ типомъ тогдашняго студента является Д. Хрущовъ, который сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ въ университетѣ и о своихъ товарищахъ.

„Поступленіе въ университетъ было, конечно, важнымъ событіемъ въ моей жизни. По случаю знанія нами многихъ иностранныхъ языковъ, родители избрали намъ факультетъ философо - филологическій. Экзаменъ вступительный я выдержалъ очень хорошо, кромѣ математики, въ которой всегда былъ очень слабъ.

Въ означенномъ факультетѣ насъ было всего двѣнадцать студентовъ, изъ коихъ помню слѣдующихъ: Анисимовъ, теперешній губернаторъ Симбирскій; пара къ нему Мариновъ съ розовыми, какъ у Херувима, щеками, они всегда ходили и сидѣли на лекціяхъ вмѣстѣ; полякъ Красовскій, старше насъ всѣхъ, весьма трудолюбивый и отличный эллинистъ и латинистъ, съ длиннымъ краснымъ носомъ; Каменскій, черниговецъ, пылкой души и умный малый высокаго роста, нынѣ учитель въ Нѣжинской гимназіи, всегда пишетъ ко мнѣ, когда только узнаетъ о какомъ нибудь моемъ успѣхѣ; Иноземцевъ, братъ извѣстнаго московскаго врача, человѣкъ уже не молодой, худо учившійся въ Московскомъ университетѣ и немного лучше въ Харьковскомъ, ужасно завистливый, особенно ко мнѣ и брату за знаніе греческаго и латинскаго языковъ, съ коими онъ никакъ не могъ сладить, краснорѣчивъ, неумолимъ, — съ присвистами въ языкѣ, серебрянными очками на вѣчно вздернутомъ съ краснымъ кончикомъ носѣ, точно уголекъ, и шинелью въ видѣ армяка изъ зеленого сукна на сѣромъ барашкѣ, всегда надѣтой лишь на одну руку, а въ другой груда книгъ и тетрадокъ; два брата Иваненковы, Воронежскіе помѣщики, изъ коихъ Николай, маленькаго роста, съ желтымъ лицомъ, прилежный на лекціяхъ, а другой Петръ, высокій, краснощекій, черноволосый, какъ его братъ, страшный враль и кутила, никогда объ ученіи недумавшій и прозванный нами гусарь; наконецъ Бодянский, поповскій сынъ, рябой, картавый, вѣчный предметъ шутокъ и проказъ Петра Иваненка, но студентъ прилежный и всегда получавшій хорошіе баллы.

Наконецъ, кончились три года нашего учебнаго курса и наступило время выходнаго экзамена. Это было весною 1835 года.

Мнѣ въ это время было 18 лѣтъ отъ роду. Приготовиться къ этому экзамену былъ трудъ не легкій, потому что мы должны были отвѣчать на вопросы по предметамъ всѣхъ трехъ курсовъ. Трудно это было въ особенности бѣдному моему брату Павлу, здоровье коего было слабо, при отличныхъ способностяхъ ума. Онъ иногда плакалъ отъ досады, что не могъ успѣвать за собою. Я его утѣшалъ и помогалъ учить уроки.

Первый предмет на очереди была психологія, которую, какъ я выше сказалъ, читалъ намъ въ первомъ курсѣ идіотъ Гренбергъ. Мы объясняли декану нашего факультета Артемовскому, что по запискамъ Гренберга намъ готовиться и отвѣчать невозможно. Деканъ отвѣчалъ: „дѣлайте, какъ знаете, а отвѣчать должно“—вслѣдствіе чего я обратился къ В. И. Цыху и, по его совѣту, взялъ въ руководство одну книгу о психологіи. — Оказалось, что по ней можно было хорошо подготовиться на всѣ заданные намъ по этой наукѣ вопросы. Особенно трудный вопросъ былъ о томъ: въ какомъ состояніи находится душа человѣка во время сна. Вопросъ этотъ достался нѣсколькимъ студентамъ, но ни одинъ не умѣлъ на него отвѣчать и деканъ рѣшилъ отложить его въ сторону.

Студентовъ вызывали по алфавитному порядку, слѣдовательно, я и братъ мой были послѣдніе по списку. Когда пришла моя очередь, я вынулъ три билета и отвѣчалъ на три доставшіеся мнѣ вопроса совершенно удовлетворительно; но затѣмъ попросилъ позволенія отвѣчать еще сверхъ того на помянутый вопросъ о снѣ. Отвѣтъ мой былъ такъ удовлетворителенъ и на этотъ трудный вопросъ, что Артемовскій подошелъ ко мнѣ и, положивъ руку на плечо, съ любезною улыбкой сказалъ: „если вы будете отвѣчать по остальнымъ предметамъ, какъ отвѣчали по психологіи, то поздравляю васъ кандидатомъ“.

Экзамены наши кончились благополучно и блистательно. Я и братъ объявлены первыми кандидатами. Мы въ это время жили въ домѣ Ломакина, на площади, не далеко отъ университета. Всякій разъ, когда мы возвращались съ экзамена, матушка и сестра Екатерина стояли на балконѣ и ждали съ нетерпѣніемъ извѣстія, какъ кончились экзамены. Условенные между нами знаки издалека говорили имъ, что дѣло кончилось хорошо и онѣ махали къ намъ платками въ знакъ одобренія и радости.

Почтенный нашъ В. И. Цыхъ возымѣлъ на сей часъ хорошую мысль: возстановить забытый обычай, чтобы выпускные кандидаты читали публично въ университетской актовѣ залѣ свои диспутациі на это званіе. Распоряженіе это, разумѣется, очень понравилось намъ, молодымъ людямъ. Кромѣ русской я написалъ еще другую диссертацию на языкѣ французскомъ подъ заглавіемъ: „de la necessité des revolutions dans la vie du genre humaine“. Книга Гизо дала мнѣ эти мысли, которыя я изъяснялъ, такъ, что революціи необходимы для уничтоженія стараго, отжившаго порядка въ обществѣ и для того, чтобы новый порядокъ могъ вырасти и созрѣть. Разумѣется, я не оправдывалъ революцій кровавыхъ, но указывалъ, на основаніи примѣровъ исторіи

всемирной, неизбежность бурь и часто кровопролитія при подобныхъ событіяхъ, вслѣдствіе существовавшаго въ обществѣ насилия и необузданности человѣческихъ страстей. Стеченіе публики въ этотъ день было большое вслѣдствіе новизны этого дѣла. Были въ залѣ мои родители, родственники, знакомые обоого пола и городскія власти. Я читалъ диссертацию съ кафедры съ большимъ одушевленіемъ. Диссертация видимо понравилась слушателямъ и произвела выгодное для меня впечатлѣніе. Но деканъ Артемовскій ужасно испугался слова реченія и еще болѣе содержанія диссертации. Когда я сошелъ съ кафедры, онъ, въ попыхахъ, подбѣжалъ ко мнѣ, и спросилъ: читалъ ли мое сочиненіе В. И. Якимовъ, которому была поручена цензура кандидатскихъ трудовъ. Я отвѣчалъ, что, вѣроятно, читалъ. Да помилуйте, пропустилъ мнѣ на ухо блѣдный Артемовскій, едва переводя духъ, что скажутъ жандармы, что донесутъ они въ Петербургъ о воспитаніи, мысляхъ, которыя мы здѣсь внушаемъ юношеству и т. п. Я внутренне улыбался и былъ ужасно доволенъ своимъ успѣхомъ, ибо, по выходе изъ зала, товарищи мои усердно меня поздравляли и дружески жали мнѣ руку. Впрочемъ дѣло не имѣло никакихъ послѣдствій ни для меня, ни для Харьковскаго университета.

Слѣдующую за симъ зиму 1836 года мы съ отцомъ и братомъ провели въ Берлинѣ, гдѣ усовершенствовались особливо въ наукахъ юридическихъ, слушая знаменитыхъ тамошнихъ профессоровъ Соммера, Ганса и другихъ. А въ январѣ 1840 года пробывъ немного въ Харьковѣ и Москвѣ, прибыли въ Петербургъ для поступленія на службу.

Объ успѣхахъ студентовъ во время прохожденія ими курса данъ понятіе въдомости ихъ переходныхъ испытаній.

Вотъ въ видѣ примѣра одна изъ такихъ въдомостей о студентахъ 1-го и 2-го курсовъ юридическаго факультета за 1831 годъ. Всего подвергалось испытанію 73 человѣка; изъ нихъ перешло на слѣдующій курсъ 39, осталось на прежнихъ 28, остальные не экзаменовались по болѣзни или потому что находились въ отпуску ¹⁾.

Изъ 21 студ. и вольносл. 1-го курса словеснаго факультета было переведено на слѣдующій курсъ 10, осталось 11; на 2-мъ курсѣ въ 15 студ. и вольнослуш. выдержало экзаменъ 13, осталось на томъ же курсѣ 2 ²⁾.

Въ общемъ, какъ мы видимъ, переходныя испытанія были строгія. Медицинскій факультетъ въ 1819 году проектировалъ для усиленія специализаціи новое распредѣленіе предметовъ; на первомъ

¹⁾ Харьк. унив. арх. Д. 1831, № 38.

²⁾ Ibidem.

курсы должны были изучаться—физика, химия, естественная история (зоология, ботаника и минералогия), первый отдел анатомии и теоретическая математика; на 2-м—вышая анатомия и физиология, патология, фармакология и фармация, судебная медицина и медицинская полиция; на 3-м терапия, хирургия и повивальное искусство; на 4-м занятия в клинических институтах по терапии, хирургии и акушерству и ветеринарная медицина. Клиники, по мнению факультета, должны были помещаться в городских больницах, ибо на факультетские клиники отпускались слишком ничтожные суммы¹⁾.

Правление указывало, что проектированное факультетом распределение курсов нарушить существующий с 1813 года порядок, по которому каждый студент, прежде чем выберет тот или иной факультет, должен в течение 2-х лет слушать *общеобразовательные предметы*, а именно, в первом году—психологию и логику, первую часть русской, латинской, немецкой и французской словесности, древнюю всемирную историю и географию, естественную историю трех царств природы, алгебру, геометрию и тригонометрию, историю, географию и статистику Российской империи; во втором году—этику, физику, новую всемирную историю, вторую часть русской, латинской, немецкой и французской словесности и аналитические функции. Заметив, что большая часть студентов относится нерадиво к этим общим курсам, совет вновь подтвердил это правило в 1818 году и сдѣлалъ представление объ этомъ попечителю²⁾.

В 1827 году ректоръ Кронебергъ представилъ проектъ экзаменовъ для студентовъ съ любопытной объяснительной запиской. Нововведенія Кронеберга заключались в томъ, что на окончательныхъ экзаменахъ нужно было экзаменоваться за три года, при чемъ всѣ предметы факультетскаго преподаванія были соединены в группы и по каждой группѣ назначалось четыре вопроса, при чемъ за удовлетворительный отвѣтъ на одинъ изъ нихъ назначалась отмѣтка—*достаточно*, за два—*хорошо*, за три—*очень хорошо*, за четыре—*превосходно*³⁾.

Студенты вольнослушатели не только неисправно посѣщали университетскія лекціи, но даже уѣзжали изъ Харькова и проживали неизвестно гдѣ. Въ виду этого ректоръ Кронебергъ въ 1827 г. предложилъ издать для нихъ правила, запрещающія отлучки изъ города безъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. сов. 1819, № 30.

²⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 538/27.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1242/71.

разрѣшенія начальства подъ угрозою удаленія изъ университета. Проложеніе это было утверждено попечителемъ Перовскимъ ¹⁾.

Для развитія научныхъ занятій факультеты предлагали темъ для соисканія медалей. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ темъ. Въ 1827 г. физикоматематическій факультетъ предложилъ тему— „изложить ~~законъ~~ и теорію горѣнія“; юридическій факультетъ: 1) изложить систематически вопросъ о давности, уничтожающей преступленія по силѣ русскаго законодательства, показать ея основаніе, законное время, всѣ ли преступленія ей подвержены и ея послѣдствія; 2) изложить причины налагаемаго прещенія на расточителей чрезъ отечественное законодательство, опровергнуть мнимыя сему препятствія, кто имѣетъ право налагать оное, его дѣйствіе и прекращеніе; 3) показать въ чѣмъ состоитъ единство (unitas) и различіе (differentia) правоученія (этики) и такъ называемаго права естественнаго (политики). Къ дѣлу приложено сочиненіе о давности; оно занимаетъ 2½ писанныхъ листа; много ссылокъ и представляетъ изъ себя типъ разсужденія ²⁾.

Темы кандидатскихъ сочиненій были таковы, напримѣръ: 1) об основаніи приобрѣтенія собственности давностію времени вообще и въ особенности по руссійскому законодательству (студента Кониссевича); 2) о первыхъ двухъ главахъ уложенія Алексѣя Михайловича (ст. Бистенецкаго); 3) о доказательствахъ въ уголовныхъ дѣлахъ (ст. Давидова).

Здѣсь кстати разсказать эпизодъ, который свидѣтельствуетъ о недостаточномъ стремленіи студентовъ Харьковскаго университета къ полученію спеціальной ученой подготовки для занятія профессорскихъ кафедръ, хотя въ оправданіе ихъ слѣдуетъ прибавить, что все это было обставлено чрезвычайно стѣснительными, тяжелыми формальностями, которыя несомнѣнно отбили охоту у многихъ откликнуться на обращенный къ нимъ призывъ.

Въ Дерптѣ былъ открытъ, какъ мы знаемъ, профессорскій институтъ для подготовки въ немъ молодыхъ людей русскаго происхожденія къ профессурѣ. Изъ Московскаго, Казанскаго и Петербургскаго университетовъ оказалось въ 1828 г. желающихъ вступить въ институтъ и удовлетворившихъ всѣмъ требованіямъ 21 чел. (по 7 отъ каждого), а изъ Харьковскаго университета ни одного. Когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія государя, то онъ написалъ собственноручно на докладъ Министра Народнаго Просвѣщенія: „довольно стыдно Харьковскому уни-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ Д. поп. № 1242/71.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. 1827 г.

верситету, что ни одного не нашлось кандидата на полезную службу" ¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что охотники были, но не могли удовлетворить тѣмъ строгимъ требованіямъ, которыя къ нимъ предъявлялись въ отношеніи подготовки по предметамъ и языкамъ, въ отношеніи нравственности и здоровья. Иные могли удовлетворить и этимъ требованіямъ, но ихъ не отпускали родители. Объ одномъ изъ аспирантовъ—студентѣ 4-го курса медицинскаго факультета Ал. Филомафитскомъ инспекторъ далъ отзывъ, что онъ склоненъ къ вольнодумству; правда онъ присо-вокупилъ при этомъ, что склонность эта у него, благодаря бдительному надзору, почти уничтожилась и не имѣетъ никакихъ вредныхъ послѣд-ствій и даже можетъ совсѣмъ истребиться ²⁾. Любопытно, что отказались ѣхать въ Дерптъ всѣ кандидаты и магистры—Цыхъ, Чижевскій, Якимовъ, Золотаревъ, Скларевичъ, Ив. Соколовъ, Т. Степановъ, Спас-скій, Правицкій; нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи были преподава-телями Харьковскаго университета.

На вторичное послѣ Высочайшаго замѣчанія обращеніе откликну-лось 29 человекъ. Но ихъ нужно было строго проэкзаменовать и по-лучить аттестаціи объ ихъ поведеніи. А эти аттестаціи не всегда были удовлетворительны: одинъ, напримѣръ, по отзыву инспекціи, былъ крайне самолюбивъ, нечистосердеченъ, но при надзорѣ велъ себя хорошо; другой былъ упрямъ, но при строгомъ надзорѣ велъ себя хорошо; третій былъ вспыльчивъ, но велъ себя хорошо, четвертый былъ скло-ненъ къ невоздержанію, но при надзорѣ опять таки велъ себя хорошо. Испытаніе выдержало шестеро (трое казеннокоштныхъ и трое свое-коштныхъ)—Котельниковъ, Иноземцевъ, Садовскій, Боровиковскій, Изм. Срезневскій и Булычевъ. Эти лица дали подписку слѣдующаго содер-жанія: „я нижеподписавшійся даю Императорскому Харьковскому уни-верситету сію подписку въ томъ, что ежели я буду удостоенъ быть посланнымъ для усовершенствованія въ моихъ познаніяхъ на 3 года въ Дерптскій университетъ и на 2 года за границу на казенномъ ижди-веніи, то послѣ сего времени обязываюсь прослужить 12 лѣтъ въ уни-верситетѣ—Московскомъ, Петербургскомъ, Казанскомъ или Харьков-скомъ, считая съ того времени, когда дѣйствительно займу каѳедру въ одномъ изъ этихъ университетовъ, въ удостовѣреніе чего подпи-сываюсь“. Попечитель предназначалъ Министерству Котельникова по астрономіи, Иноземцева по хирургіи, Срезневскаго по римскому праву (Срезневскому было въ то время только 16 лѣтъ). Объ этихъ шести

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1278/72.

²⁾ Ib.

студентахъ сообщались постоянные рапорты (объ ихъ успѣхахъ, поведеніи); ни и они не всѣ повидимому ждали съ удовольствіемъ своего отправленія въ Петербургъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ письмо ректора Кронеберга Склабовскому „Желательно было бы знать, когда ихъ потребуютъ въ Петербургъ, не мѣшало бы имъ окончить прежде полный курсъ здѣсь; нѣкоторые бы изъ нихъ подросли не только умомъ, но и тѣломъ; напримѣръ, Булычевъ, который больше ростомъ моего 12 лѣтняго сына. Боровиковскій перемѣнилъ „право“ на „философію“; но и отъ философіи уже и отъ профессорства отказывается. Удивляюсь такому народу! Предпочитаютъ тохматскую всю жизнь въ тѣсномъ безвкусномъ званіи уѣзднаго учителя! Не хотятъ, не желаютъ пробудить душу свою и освободиться отъ нагубной дремоты. Удивляюсь и не понимаю“. Въ концѣ концовъ изъ этихъ 6 человекъ Совѣтъ рѣшилъ отправить только Иноземцова и Котельникова и трехъ новыхъ — канд. юр. фак. Складовича, изучившаго политическую экономію, Ал. Филомафитскаго, избравшаго физиологію и Шренкова (фармакологию). Ихъ рѣшено было отправить въ Петербургъ въ Министру подъ наблюденіемъ проф. Робуша. Но Складовичъ уѣхалъ въ роднымъ въ Бѣлополье; туда былъ командированъ экзекуторъ, привезшій извѣстіе, что родители не отпускаютъ его въ Петербургъ; съ родителей рѣшено было истребовать 69 р. 60 к., истраченныхъ на поѣздку экзекутора.

Евдодоръ Ивановичъ Иноземцевъ (1802+1869 г.)—сынъ персидскаго торговца, вывезъ изъ Персіи или Грузіи графъ Бутурлинъ и сдѣлалъ чиновникомъ. „Въ 1819 г. Е. И. окончилъ курсъ въ Харьковской гимназіи казенно-коштнымъ воспитанникомъ и былъ опредѣленъ на словесный факультетъ Харьковского университета, но съ 3-го курса посланъ былъ за шалости учителемъ математики во Львовское уѣздное училище (Курьской губ.). Въ 1825 году онъ отбывши службу за казенное содержание вышелъ въ отставку, а въ 1826 году снова поступилъ въ Харьковскій университетъ, но уже на медицинскій факультетъ. Въ 1828 году, по полученіи степени лекаря и послѣ особаго экзамена въ Академіи Наукъ былъ принятъ въ новооткрытый при Дерптскомъ университетѣ профессорскій институтъ, гдѣ подъ руководствомъ Мейера занимался преимущественно хирургіей“. Получивъ докторскую степень вмѣстѣ съ Пироговымъ, Рѣдкинымъ, Неволлинымъ, Крыловымъ былъ отправленъ за границу, а въ 1835 году назначенъ профессоромъ Московскаго университета по хирургіи и директоромъ Хирургической Клиники ¹⁾. Въ 1835

¹⁾ Энцикл. Слов. Брокгауза.

году отправлены были въ профессорскій институтъ студенты—Гриневъ, Варвинскій, Любовскій и Ростовцовъ ¹⁾).

Казенно-коштные студенты, по окончаніи курса, должны были немедленно отслужить казнѣ 6 лѣтъ, но намъ извѣстенъ случай, когда студентъ, окончившій словесный факультетъ (Як. Башинскій), просилъ о зачисленіи его въ своекоштные студенты на медицинскій факультетъ, мотивируя это тѣмъ, что „онъ приобрѣлъ величайшую любовь, склонность и охоту къ занятіямъ медициной и что онъ принесетъ больше пользы въ качествѣ врача, чѣмъ учителя уѣзднаго училища ²⁾).

На юридическомъ факультетѣ окончилъ курсъ наукъ Александръ *Хиждеу*, сынъ помѣщика Бессарабской области Хотинскаго уѣзда и не былъ допущенъ къ кандидатскому экзамену. Тогда отецъ его вошелъ съ прошеніемъ къ попечителю о разрѣшеніи ему держать экзаменъ и представилъ любопытныя данныя объ усердіи своего сына. Оказывается, что онъ слушалъ лекціи и на другихъ факультетахъ; два раза получилъ медали—1-й разъ по словесному факультету, а другой по физико-математическому факультету (о питаніи растений) и отправилъ ихъ въ качествѣ благодарственной жертвы къ святой иконѣ въ церковь родительскаго селенія; написалъ два разсужденія на задачу, предложенную словеснымъ факультетомъ—о тридцатилѣтней войнѣ, но они не были приняты на конкурсъ, потому, что прошелъ срокъ; писалъ разныя статьи по части наукъ и словесности и печаталъ въ журналахъ Каченовскаго и Надеждина; нынѣ заготовилъ въ видѣ кандидатской диссертациіи не одно, какъ полагается, а 5 сочиненій по 5 важнѣйшимъ отдѣламъ факультетскихъ наукъ—богословскимъ, юридическимъ, политическимъ, философскимъ, на латинскомъ языкѣ и историческимъ, кои при семъ прилагаются ³⁾). *Хиждеу*, будучи студентомъ, написалъ на молдавскомъ языкѣ стихи по случаю заключенія мира съ турками и, не смотря на запрещеніе инспектора, прямо отправилъ ихъ на имя Мин. Нар. Просв. кн. Ливена.

Этотъ самый *Хиждеу* въ послѣдствіи выступалъ въ качествѣ Харьковскаго писателя. Такъ, напримѣръ, ему принадлежитъ обширная статья объ украинскомъ философѣ Гр. Сав. Сковородѣ (въ „Телескопѣ“ 1835 года № 5 и 6; разборъ этой статьи напечатанъ мною въ предисловіи къ изданію сочиненій Г. С. Сковороды).

Любопытно благодарственное письмо отца его къ попечителю Пировскому, преисполненное неумѣренно льстивыхъ выраженій по адресу

¹⁾ Харьк. универ. архивъ. Отчетъ за 1834-й годъ.

²⁾ Харьк. унив. арх. Д. Правл. № 2017/128.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. Поп. № 1632/95.

этого послѣдняго по случаю принятія Ал. Хижеу въ число казенныхъ студентовъ ¹⁾.

Переходимъ теперь къ вопросу о числѣ окончившихъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ виду отсутствія въ университетскомъ архивѣ факультетскихъ дѣлъ, намъ трудно было бы дать отвѣтъ на этотъ существенно важный вопросъ; но къ счастью среди рукописей покойнаго профессора статистики И. П. Сокальского сохранилась таблица, заключающая данныя свѣдѣнія съ 1805 по 1865 годъ. Въ первомъ томѣ своего труда я имѣлъ возможность проверить ее другими документальными данными (своднымъ отчетомъ за первые 8 лѣтъ существованія университета) и пришелъ къ убѣжденію о точности цифръ за это время. Можно предполагать поэтому, что и за изучаемый нами теперь періодъ времени ея свѣдѣнія въ общемъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, будучи основаны на официальныхъ первоисточникахъ. Мы съ своей стороны представимъ однако дополнителныя свѣдѣнія цифровыя данныя по этому вопросу, изъ коихъ будетъ видно, что цифры здѣсь значительно менѣе дѣйствительныхъ. Въ 1815 году открыло по этико-политическому факультету 9 душъ кандидатами, по физико-математическому 3 дѣйствительными студентами и 2 кандидатами; по словесному 3 кандидатами, по медицинскому 9 лекарями; въ 1816 году по этико-политическому факультету 4 кандидатами, по физико-математическому 6 дѣйств. студ. и 7 кандидатами; по словесному 5 кандидатами, по медицинскому — 4 кандидатами и 2 лекарями; въ 1817 году

¹⁾ Такъ какъ текстъ его характеренъ для своего времени, то приведемъ его въ полномъ видѣ.

„Въ слѣдствіе милостиваго рѣшенія Вашего Превосходительства, сынъ мой Александръ принятъ въ Импер. университетъ на казенное содержаніе для окончанія образованія въ наукахъ этико-политическихъ.

Держу въ прежде всего утрудить Ваше Превосходительство нижайшимъ прошеніемъ, я чувствую теперь сугубую обязанность благодарности за милостивое пріятіе оного и благодѣтельное разрѣшеніе.

И такъ повергаюсь къ стопамъ Вашего Превосходительства съ полнымъ упованіемъ въ неизсякаемой признательности и съ порученіемъ всѣхъ отеческихъ заботъ къ сыну. Благоизвольте со свойственнымъ Вашему Превосходительству милосердіемъ, принявъ его подъ высокое свое Покровительство, располагать и дальнѣйшее его жребіемъ къ полезному служенію Богу, Государю и Отечеству. А сынъ мой, я поселю въ сердцѣ съ самаго юнаго возраста чувство истинной благодарности къ благодѣтелямъ, исполняя со всею точностью обязанности своего назначенія, всегда буду живо ощущать, что будущимъ жребіемъ своимъ виновенъ единственно великимъ милостямъ Вашего Превосходительства, ибо я его отецъ, стоя уже при разрытыхъ гробѣ, могу только благословить имъ Благодѣтеля съ тѣмъ глубочайшимъ благоговѣніемъ и совершенною преданностью, съ коимъ имѣю честь“.

по медицинскому факультету=6 кандидатами и 6 лекарями (по другимъ факультетамъ свѣдѣній нѣтъ); въ 1818 г.—по медицинскому факультету 7 лекарями (по другимъ факультетамъ свѣдѣній нѣтъ), въ 1819 году по этико-политическому отдѣленію 4 кандидатами, по физико-математическому 3 канд., по словесному 5 канд., по медицинскому—8 канд. и 10 лек.; въ 1820 г. по этико-политическому 1 канд., по словесному 4 канд., по медицинскому 6 канд. и 12 лекарями; въ 1821 году по этико-политическому 4 канд., по физико-математическому 18 дѣйств. студ., по словесному 3 канд., по медицинскому 16 лекарями; въ 1822 году—по этико-политическому 4 дѣйств. студ. и 4 канд., по физико-математическому 7 дѣйств. студ., по словесному 19 дѣйств. студ. и 8 кандидатами, по медицинскому 21 лекарями; въ 1823 году по этико-политическому 5 дѣйств. студ. и 3 канд., физико-математическому 6 дѣйств. студ., по словесному 2 дѣйств. студ. и 2 канд., по медицинскому—21 лекарями; въ 1824 году по юридическому 14 дѣйств. студ. и 4 канд., по словесному 10 дѣйств. студ. и 4 канд., физико-математическому 5 дѣйств. студ., медицинскому—3 лекарями; въ 1825 году по юридическому 26 дѣйств. студ. и 3 канд., по словесному 5 дѣйств. студ., физико-математическому 7 дѣйств. студ. и 3 канд., медицинскому—10 лекарями; въ 1826 году по юридическому 27 дѣйств. студ., словесному 13 дѣйств. студ. и 6 канд., медицинскому 22 лекарями; въ 1827 году—по юридическому 20 дѣйств. студ. и 3 канд., по словесному 14 дѣйствит. студ. и 6 канд., физико-математическому 10 дѣйств. студ., медицинскому—8 лекарями; въ 1828 году—юридическому 18 дѣйств. студ. и 4 кандидатами, словесному 2 дѣйств. студ. и 5 канд., физико-математическому 8 дѣйств. студ., медицинскому 33 лекарями; въ 1829 году—словесному—9 дѣйств. студ. и 4 канд., юридическому 16 дѣйств. студ. и 7 канд., физико-математическому 1 дѣйств. студ. и 2 канд., медицинскому 10 лекарями; въ 1830 году—по словесному 5 дѣйств. студ. и 4 канд., физико-математическому 5 дѣйств. студ., юридическому 21 дѣйств. студ. и 6 канд., медицинскому 16 лекарями; въ 1831 году—по словесному 10 дѣйств. студ., 3 канд., физико-математическому 1 дѣйств. студ., юридическому 23 дѣйств. студ., 5 канд., медицинскому 25 лекарями; въ 1832 году—по словесному 6 дѣйств. студ. и 1 канд., физико-математическому 6 дѣйств. студ., юридическому 19 дѣйств. студ. и 1 канд., медицинскому 11 лекарями; въ 1833 году по словесному 12 дѣйств. студ. и 2 канд., физико-математическому 9 дѣйств. студ., юридическому 25 дѣйств. студ., медицинскому 16 лекарями; въ 1834 году—по словесному 5 дѣйств. студ. и 5 канд.; физико-математическому 7 дѣйств. студ., юридическому 13 дѣйств. студ., медицинскому 20 лекарями ¹⁾.

¹⁾ Унив. Библіотека. Отдѣленіе рукописей.

Представимъ теперь за нѣкоторые годы дополнительные свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ и кандидатахъ и назовемъ фамиліи ихъ.

Въ 1819 году было произведено въ кандидаты 12 лицъ: Петровъ (опредѣленъ былъ учителемъ въ Кіевскую гимназію), Ал. Славовскій (оставленъ при университетѣ), Н. Бѣлоусовъ (опредѣленъ учителемъ въ Кіевскую гимназію), П. Сокальскій (оставленъ при университетѣ), М. Байковъ (оставленъ при университетѣ), П. Аврамовъ (опредѣленъ учителемъ въ Кіевскую гимназію), Р. Рабаконовъ (поступилъ на государственную службу), И. Майстренковъ (оставленъ при университетѣ), Т. Степановъ (оставленъ при университетѣ); по экзамену: Е. Мавроди (оставленъ при университетѣ), А. Дыздаревъ (поступилъ на государственную службу), Павелъ Андріевскій (оставленъ при университетѣ). Изъ нихъ Славовскій, Бѣлоусовъ, Петровъ, Сокальскій получили дипломы по этико-филологическому отдѣленію философскаго факультета; Байковъ, Аврамовъ, Рабаконовъ—по физико-математическому отдѣленію того же факультета; Майстренковъ, Степановъ—по юридическому. Но Министерство Народнаго Просвѣщенія признало производствъ Бѣлоусова, Сокальскаго, Аврамова, Рабаконова, Майстренкова и Степанова неправильными ²⁾).

Въ 1820 году произведены были въ кандидаты изъ своекоштныхъ студентовъ, по экзамену: Г. Шкляревичъ, А. Бабичевъ, лекторъ П. Артемовскій-Гулакъ, безъ экзамена Н. Левицкій; изъ кандидатовъ медицины въ лекаря: В. Черняевъ, І. Парпура, Н. Сараиди, И. Шевелетъ, Н. Гудимъ-Левковичъ, П. Божковскій, Д. Тарановскій, Т. Чернякъ (своекоштный); изъ студентовъ медицины въ кандидаты—И. Савинъ, Я. Скуба, И. Тимоновичъ, И. Воскобойниковъ, Е. Иноземцовъ, О. Поярковъ (своекоштный); по словесному факультету въ кандидаты были произведены изъ дѣйствительныхъ студентовъ—Н. Корсунъ, А. Карасевъ, Ст. Понизикій, по физикоматемат. факультету—Гл. Нечаевъ, Петръ Иноземцевъ; званіе дѣйствительныхъ студентовъ получило по словесному факультету тогда же 15 человекъ ³⁾).

Наши цифры вносятъ значительную поправку въ данныя, сообщаемыя рукописью И. П. Сокальскаго: въ 1820 году дѣйств. студентовъ по одному словесному факультету было 15, кандидатовъ по всѣмъ факультетамъ 15, лекарей 8, всѣхъ 38 (а не 23). Но и эта цифра еще ниже дѣйствительной, ибо не включаетъ въ себѣ свѣдѣній объ окон-

¹⁾ По рукописи И. П. Сокальскаго также 12.

²⁾ Харьк. унив. арх. Д. Поп. № 480/24.

³⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 706/37.

чившихъ этикополитическій и математическій факультеты со степенью дѣйствительнаго студента, а ихъ было, вѣроятно, достаточно.

Въ 1826 году произведено въ лекари 27 чел., въ медико-хирурги 2, въ доктора медицины 1, въ акушеры 2, въ аптекари 1, въ провизоры 12, въ гезели 9, въ зубные лекаря 1, званіе повивальной бабки получила 1, магистра 1, кандидата 9, дѣйствительнаго студента 44. Трое получили за сочиненіе медали¹⁾.

Въ 1827 году кандидатскую степень получили слѣдующіе своекоштные студенты по юридическому факультету: И. Звѣгинцевъ, Ольденборгеръ, А. Гарнакъ, Я. Скларевичъ, С. Стишинскій, В. Чижевскій; по словесному: К. Буницкій, А. Лоскій, К. Маркъ, Ст. Бернгардъ-Гельфрейхъ, С. Викулинъ, кн. В. Кейкуатовъ, степень дѣйствительнаго студента—по словесному факультету казеннокоштные—И. Боровиковскій, А. Гнилокишковъ, П. Гнилокишковъ, П. Корецкій, В. Кульчинскій, А. Виравевичъ-Водошняновъ, В. Юрьевъ; по математическому—А. Петровскій, С. Дацевичъ, О. Розовъ; своекоштные по юридическому: А. Борзенковъ, В. Бутковъ, И. Бѣлецкій, М. Добровольскій, Г. Жуковскій, Г. Зеленскій, Н. Кильхенъ, П. Кошляковъ, К. Лейковскій, П. Литевскій, П. Любарскій, О. Рерсъ, Н. Сердюковъ, В. Соколовскій, В. Перекрестовъ, Ю. Рябининъ, А. Шимковъ, Ст. Шеншинъ, Л. Максимовичъ, Н. Бушанскій, Н. Зимовскій, по математическому—Ст. Гамалѣя, А. Манжось, С. Панкратьевъ, А. Трипольскій, Ив. Оболенскій, А. Роберти; по словесному—Г. Добрянскій, М. Карровъ, Н. Самаржа, Я. Савицкій, А. Туранскій, В. Вознесенскій, Н. Зубчевскій, И. Данилевскій, Д. Шараловъ; по медицинскому окончившіе курсъ наукъ казеннокоштные Н. Марковъ, своекоштные—Г. Бутовичъ, В. Правицкій, В. Кригеръ, П. Шрамковъ, П. Тушневскій; вольнослушатели по математическому—Г. Горбаневъ, Ст. Бодянский; по медицинскому О. Котляровъ²⁾). Всего окончило по словесному факультету со степенью дѣйств. студента 16, кандидата—6; по этикополитическому—со степенью дѣйств. студента 21, кандидата 6; по математическому со степенью дѣйств. студента 11, медицинскому 7 со степенью лекаря. Здѣсь опять наши цифры больше цифръ рукописи И. П. Сокальскаго.

Въ 1828 г. по юридическому факультету получили степень кандидата слѣдующіе своекоштные студенты—Г. Гордѣенко, И. Сливикій, Г. Герценвицъ (3); по словесному факультету—И. Витовичъ, И. Михайловъ, Т. Стефановскій (3); дѣйств. студ. на юридическомъ факультетѣ—46 своекоштныхъ студентовъ; физикоматематическаго факультета—3

¹⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1205/67.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1210/68.

казеннокоштных и 8 своекоштных (11); по словесному—4 казеннокоштных и 11 своекоштных и 1 вольнослушатель (16), на медицинскомъ окончило курсъ 6 казеннокоштных, 12 своекоштных и 7 вольнослушателей (25)¹⁾, а всего 104 вмѣсто 70 рукописи И. П. Сокальского.

Въ 1829 году были произведены въ кандидаты по нравственно политическому факультету—Гр. Даниленко, Ор. Евецкій, Оед. Евецкій, Ал. Криворотовъ, Ник. Криворотовъ (оба представлены къ исключенію изъ податнаго состоянія), Изм. Срезневскій, Аѳ. Шпигоцкій (7); по словесному казеннокоштные—Оед. Китченковъ, Ник. Садовскій, своекоштные—Ив. Бакѣевъ, Ал. Гвоздевъ, Ив. Боровиковскій—удостоены этой степени по экзамену (5); по физикоматематическому—казеннокоштные—Як. Березницкій, Ник. Дьяченковъ (2). Званіе дѣйствительнаго студента получили по нравственно политическому факультету своекоштные—Ив. Астафьевъ, О. Батаровскій, И. Булычевъ, А. Велогорцкій, П. Витовицкій—Гутовичъ, Сем. Оленичъ-Псѣенко, Гр. Гудичъ, Дм. Головинъ, І. Джунковскій, графъ А. Долонъ, Т. Езучевскій, Гр. Жуковъ, Д. Измайловъ, А. Лосевъ, А. Лукашевскій, К. Лыгачевъ, Д. Міоковичъ, А. Можневскій, А. Обозненковъ, А. Осиповъ, Ив. Роснышенковъ, Гр. Рудичъ, П. Свирскій, М. Ситенскій, И. Сушковъ, Д. Фесель, Н. Харченко, П. Чигиринцовъ, Ил. Яковлевъ, вольнослушатели—А. Василевскій, Д. Румянцевъ (31); по физикоматематическому—своекоштный Ив. Карповскій (1); по словесному казеннокоштный Ив. Мерцаловъ, своекоштные—Д. Гвоздевъ, В. Ивановъ, Филадельфъ Карзининъ, А. Михайловъ, И. Хрущовъ, А. Черезовъ, князь Анд. Шихматовъ—Шеринскій, вольнослушатель Ив. Пузинъ (9), по медицинскому получили званіе лекаря казеннокоштные—В. Киктевичъ, Н. Снѣсаревъ, П. Старосвѣтскій; своекоштные—Ив. Видинскій, С. Гринь, О. Рындовскій, Я. Мѣдновъ, В. Непорожній, М. Митридатовъ, А. Поляковъ, М. Балецкій, Я. Горбаневъ, А. Дьяковъ, Н. Лобачевскій, Д. Науменко, М. Нармовъ, Д. Томашевскій; вольнослушатели—Ив. Веребрюсовъ, В. Добышевскій, Ст. Мигринъ, В. Скуба, К. Логиновъ (22)²⁾; всего 77 (а не 49, какъ сказано въ рукописи И. П. Сокальского).

Въ 1830 году степень кандидата получили на нравственно политическомъ отдѣленіи—А. Костенецкій, М. Клобуцкій, П. Конисскій, вольнослушатель П. Хлудовъ (4); по словесному—Е. Бурковъ, А. Декарьевъ, П. Яхневичъ (3). Степень дѣйствительнаго студента получили по нравственно политическому факультету своекоштные—В. Барвинскій, І. Беерадецкій, А. Бернацкій, О. Богдановичъ, И. Богонькевичъ, И. Вознесенскій,

¹⁾ Ibid. № 1297/73.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1390/79.

И. Нельговскій, В. Гежелинскій, Н. Гежелинскій, Е. Дороговъ, П. Енько, В. Загайный, И. Канивальскій, Ст. Канивальскій, М. Ждановъ, баронъ Павелъ Фонъ-Корфъ, В. Лисевичъ, П. Муратовъ, П. Плещеевъ, П. Сафоновъ, А. Чижевскій (21); по словесному казеннокоштные—Ив. Добровольскій, М. Севастьяновичъ, О. Симоновъ; своекоштные—Н. Денисенко, А. Макаровъ (5); по физикоматематическому казеннокоштные З. Демьяновъ, Е. Шопинъ, вольнослушатель Оед. Кулишъ-Чинига; своекоштные—Н. Божеиновъ, Г. Мигринъ (5); по медицинскому казеннокоштные—И. Леоновъ, П. Артемовскій-Гулакъ, Д. Марковъ, Ф. Джунковскій, П. Грабовскій, казеннокошный вольнослушатель И. Коляда; своекоштные—П. Антоновичъ-Войшинъ, Я. Боженковъ, Л. Коцкевичъ, П. Протопоповъ, вольнослушатель И. Крамаренковъ (11)¹⁾; всего 49 (меньше, чѣмъ по рукописи И. П. Сокальскаго).

Изъ 29 державшихъ окончательный экзаменъ на юридическомъ факультетѣ въ 1830—1831 акад. году выдержало его 24 человека, 4 не выдержали и 1 по болѣзни не явился на экзаменъ²⁾. Вотъ фамиліи лицъ, получившихъ степень дѣйствительнаго студента: Богачевъ, Бырдинъ, Гребницкій, Дзюбинъ, Гросманъ, Дроновъ, Я. Дьяченковъ, Емельяновъ, Кефала, Калиновскій, Костенецкій, А. Марковъ, Нефедьевъ, Никитинъ, Ординскій, Петровъ, Петровскій, Рыковъ, Рукавишниковъ, Свиригъ, Слесаревъ, Шихматовъ-Ширинскій, Швецовъ, Экъ.

Изъ 16 студентовъ и вольнослушателей послѣдняго (3-го) курса словеснаго факультета въ 1830/1831 акад. году получило степень дѣйствительнаго студента 8 (Высочинъ, Ерофеевъ, Алфераки, Быковъ, Демчинскій, Науменко, Рындовскій, Лебедевъ), по отношенію къ 4-мъ рѣшено было ходатайствовать о дарованіи степени кандидата (Болотову, Тимошевскому, Унтилову и Нѣмкину), четверо не выдержало испытанія.

Степень кандидата въ 1832 году получили по этико-политическому отдѣленію—Линевичъ, Лачиновъ, Стребковъ, по словесному—Славотинскій, Нѣмкинъ; дѣйствительнаго студента по этико-политическому факультету—Барсовъ, Карташевскій, Росдишевскій, Похвисневъ, Авиловъ, Тарасенковъ, Федоренко; по словесному—Касановъ, Устиновскій, Боиновскій, Корженевскій, Карпинскій, Савичъ, Тишинскій, Ступачевскій; физико-математическому—Бѣликовъ, Стояновъ³⁾.

Въ 1833 году выдержало экзаменъ на званіе дѣйствительнаго студента 25 душъ—Бутусовъ, 2 Булатовыхъ, 2 Васильевыхъ, Война, Гавевскій, Гнѣдичъ Ник., Давыдовъ, Добросельскій, Дзюбинъ, Кузьмичъ.

¹⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1550/89.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1778/103.

Николинъ, Опличко, Петровъ, Политковский, Пустовойтовъ, Рибасенъ, Романовъ, Тругортъ, Феликовъ, три Шеншинныхъ, Шноръ, Шнейдеръ.

Въ числѣ студентовъ Харьковскаго университета былъ въ то время будущій извѣстный профессоръ и славистъ В. Григоровичъ.

Въ 1833 году совѣтъ ходатайствовалъ передъ попечителемъ о рѣшеніи выдать аттестатъ на званіе *дѣйствительнаго студента*, студенту словеснаго отдѣленія *Виктору Григоровичу*²⁾. Отчетъ за 1834-й годъ представляетъ намъ общую картину въ цифрахъ положенія учащихся.

Въ то время въ университетъ былъ одинъ кандидатъ (Ефремовичъ) 7 лекарей (Крыловъ, Ольховскій, Крыжановскій, Филиппенко, Иванишевъ, Бурковъ и Франкъ), 4 дѣйствительныхъ студента (Василинъ, Башинскій, Кульчинскій, Рындовскій Гр.), 6 дѣйствительныхъ студентовъ, которымъ была пріостановлена выдача аттестатовъ (Шнейдеръ, Каразинъ, 2 Шеншинныхъ, Карповъ, Николинъ), 247 студентовъ и 71 вольнослушателей, въ числѣ коихъ нѣсколько евреевъ. Православныхъ было 306, католиковъ 16, лютеранъ 11, евреевъ 3. Дворянъ 160, духовнаго званія 20, оберъ офицерскихъ дѣтей 70, изъ купцовъ 29, изъ податнаго званія 47, иностранцевъ 9, выкрещенныхъ евреевъ 1.

Казеннокоштныхъ студентовъ было 49, своекоштныхъ 287.

По факультетамъ студенты распредѣлялись такъ: на юридическомъ 88; медицинскомъ 171, словесномъ 58, физико математическомъ 19.

По поведенію студенты распредѣлялись такъ: отличнаго 53, хорошаго 244, посредственнаго 28, неодобрительнаго 4.

По успѣхамъ: отличныхъ 17, очень хорошихъ 22, хорошихъ 175, посредственныхъ 95, неодобрительныхъ и худыхъ 20.

Изъ нихъ получили образованіе; въ другихъ университетахъ 12, въ гимназіяхъ 225, въ collegiūmъ и другихъ училищахъ 35, въ сiонахъ 36, въ домахъ 22.

Такимъ образомъ, въ концѣ изучаемаго нами періода мы замѣчаемъ двѣ особенности: на первое мѣсто по числу студентовъ выдѣлился медицинскій факультетъ и среди студентовъ увеличилось число лицъ, принадлежавшихъ къ податному состоянію и купечеству.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся питомцевъ Харьковскаго университета, впоследствии академикъ и знаменитый математикъ *Остроградскій* не получилъ кандидатской степени главнымъ образомъ благодаря тому, что противъ него вооружился профессоръ Дудровичъ, дѣйствовавшій впрочемъ здѣсь не столько противъ самаго Остроградскаго.

¹⁾ *Ив., Д. сов.* 1833 № 4.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. Правл. № 1948/128.

сколько противъ его учителя проф. Осиповскаго. Можно даже сказать, что экзаменъ Остроградскаго явился однимъ изъ поводовъ для удаленія Осиповскаго. Въ 1820 г. Дудровичъ подалъ, какъ мы знаемъ уже, на проф. Осиповскаго попечителю З. Я. Карнѣву жалобу, главнымъ содержаніемъ которой является будто бы неправильно веденный Осиповскимъ экзаменъ Остроградскаго. Дудровичъ отказался экзаменовать Остроградскаго изъ философіи, потому что онъ не ходилъ на его лекціи. За тѣмъ Дудровичъ не находилъ возможнымъ даровать степень кандидата Остроградскому ни за отличіе, ни на основаніи полученнаго имъ въ 1818 г. аттестата на степень дѣйствительнаго студента и особаго дополнительнаго кандидатскаго экзамена, потому что онъ подобно всѣмъ ученикамъ Осиповскаго не посѣщалъ лекціи богословія и философіи. Попечитель, ускѣвшій уже удалить изъ университета Осиповскаго за его оппозицію противъ мистицизма, естественно, въ своемъ представленіи къ Министру освѣтилъ дѣло Остроградскаго такъ, какъ его изобразилъ Дудровичъ. „Совѣтъ университета, писалъ онъ Министру, донесъ мнѣ, что *найдемъ достойнымъ степени кандидата* студента Остроградскаго, получившаго студенческой аттестатъ въ 1818 году и выдержавшаго нынѣ кандидатское испытаніе по физико-математическому факультету. Но такъ какъ по мнѣнію члена совѣта проф. Дудровича производство студента Остроградскаго въ кандидаты не совсѣмъ сообразно съ университетскими постановленіями и предписаніями высшаго начальства, то совѣтъ и представилъ на разсмотрѣніе мое порядокъ испытанія, коему подвергался Остроградскій.

Изъ этого порядка испытанія открывается, что студентъ Остроградскій получилъ увольненіе отъ университета въ 1818 году и хотя онъ всѣхъ относящихся къ физико-математическому факультету наукъ не проходилъ, но въ выданномъ ему аттестатѣ этого не обозначено по бывшимъ безпорядкамъ прежняго университетскаго начальства (намекъ на Осиповскаго).

Затѣмъ Остроградскій явился снова въ университетъ для слушанія физики, химіи, высшей геометріи и механики и, пробывъ цѣлый годъ, въ іюнѣ 1820 года на публичномъ испытаніи вмѣстѣ съ прочими студентами экзаменовался, чтенія жъ по философіи и богопознанію не посѣщалъ какъ прежде, такъ и теперь. И такъ какъ Остроградскій при вторичномъ пребываніи въ университетѣ обнаружилъ хорошіе успѣхи, то бывшему ректору Осиповскому желательно было произвести его за отличіе въ кандидаты. Когда же проф. Дудровичъ мнѣніемъ своимъ такому неправильному производству воспрепятствовалъ, то Остроградскій допущенъ былъ къ испытанію на степень кандидата на основаніи § 25

положенія о производствѣ въ ученые степени. Проф. Дудровичъ мнѣніи своемъ объяснилъ, что и таковое допущеніе Остроградскаго къ испытанію на степень кандидата неправильно, потому что онъ хотя и получилъ студенческой аттестатъ въ 1818 году, но окончилъ факультетскія, и то не всѣ науки въ 1820 году.

Усматривая въ таковомъ производствѣ студента Остроградскаго кандидаты неумѣстныя запутанности и неправильности, допущенныя прежнимъ университетскимъ начальствомъ (снова намекъ на Остроградскаго!) и признавая мнѣніе Дудровича справедливымъ, долгомъ считая представить при этомъ выше указанный порядокъ испытанія и въ вышней студенческой аттестатъ, выданный въ 1818 году Остроградскому къ благоусмотрѣнію Вашего Сіятельства, испрашивая начальническаго разрѣшенія, до полученія котораго предложилъ я университету не выдавать Остроградскому свидѣтельства на званіе кандидата¹⁾.

Министръ кн. А. Н. Голицынъ отвѣтилъ, что такъ какъ Остроградскій не выслушалъ полнаго университетскаго курса ни по времени ни по учебнымъ предметамъ, то признать выданный ему въ 1818 году студенческой аттестатъ не дѣйствительнымъ и такъ какъ онъ представленъ былъ имъ въ университетъ для экзамена, то не выдавать ему на руки и предложить ему держать новый экзаменъ и на званіе дѣйствительнаго студента, а потомъ кандидата на точномъ основаніи существующихъ постановленій¹⁾. Во всей этой прискорбной и глубокой несправедливой исторіи насъ можетъ утѣшать только то обстоятельство, что Харьковскій университетъ официально призналъ Остроградскаго достойнымъ кандидатской степени.

Въ 1820 году Министерствомъ, по представленію попечителя З. Я. Карнѣева, было кассировано производство въ кандидатскую степень еще 5 студентовъ—Аврамова, Сокальскаго, Майстренкова, Степанова и Бѣлоусова, потому что имъ дана была эта степень безъ экзамена, а между тѣмъ они раньше уже окончили университетъ; при этомъ университетъ не донесъ своевременно Министерству о выдачѣ этихъ аттестатовъ. Совѣтъ ссылался на 11 и 24 §§ университетскаго устава и положеніе о производствѣ въ ученые степени, которое не запрещало такого производства, на одно изъ разрѣшеній самого Министра, а попечитель признавалъ эти ссылки неубѣдительными и Министръ согласился съ этимъ и отъ вышепоименованныхъ студентовъ были отбраны аттестаты. При семъ удобномъ случаѣ попечитель всю вину свалилъ на только что уволеннаго ректора Осиповскаго. „Главную причину

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 810/44.

ною подобныхъ запутанностей, писалъ онъ, былъ бывшій ректоръ Осиповскій, который во все время своего управленія, какъ нынѣ ясно открылось, всячески старался поддерживать въ университетѣ древній безпорядокъ, при всемъ усилии моемъ искоренить его и завести постоянное и прочное устройство. Имѣя теперь добраго (?) и надежнаго помощника въ проректорѣ Джунковскомъ, который и по истинной христіанской нравственности, и по особенной дѣятельности способенъ къ ректорской должности, я надѣюсь съ благословеніемъ Божиимъ достигнуть давножелаемаго во всемъ успѣха. Министерство однако призывало виновнымъ не одного бывшаго ректора, но и членовъ правленія¹⁾.

Большія непріятности не по своей винѣ пришлось испытать тѣмъ студентамъ, которые перешли изъ Московскаго университета и окончили курсъ въ Харьковскомъ—имъ не выдавали аттестатовъ.

Въ 1833 году Министръ писалъ попечителю, что, согласно съ Высочайшимъ указомъ 4-го авг. 1818 года и Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ Комитета Министровъ 14-го авг. и 4 сент. 1828 года были приняты на 2-й и 3-й курсы студенты Московскаго университета, ибо на основаніи этихъ правилъ для полученія званія дѣйствительнаго студента необходимо *пробыть въ одномъ и томъ же университетѣ не менѣе 3-хъ лѣтъ сряду*. Такимъ образомъ, ни время проведенное въ другомъ университетѣ, ни прерванное ученіе въ томъ же заведеніи не могутъ быть зачтены въ полный трехлѣтній курсъ. Поэтому всѣхъ этихъ лицъ необходимо будетъ продержатъ въ университетѣ три года. Совѣту университета было строжайше предписано о точномъ соблюденіи всего изложеннаго. „Вмѣстѣ съ тѣмъ и Ваше Превосходительство обязаны обращать вниманіе, чтобы существующія по учебной части правила были во вѣренномъ Вамъ университетѣ неослабно соблюдены“. Но по какой то неизвѣстной причинѣ попечитель считалъ неудобнымъ для себя представить эту бумагу университету и она не была сообщена этому послѣднему. Оказалось также, что университету не были извѣстны тѣ узаконенія, на которыя ссылался Министръ. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ этихъ студентовъ успѣли благополучно выдержать экзаменъ на званіе дѣйствительнаго студента, даже поступить на службу. Въ виду этого новый попечитель гр. Головкинъ ходатайствовалъ о выдачѣ этимъ лицамъ аттестатовъ. Для разбора этого запутаннаго дѣла¹⁾ была даже организована коммиссія подъ предѣтельствомъ проф. Т. Θ. Степанова, которая представила попечителю свой докладъ на 104 листахъ. Министръ отказалъ въ ходатайствѣ

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просвѣщенія. 1820 г. № 22015/492.

попечителю, ссылаясь на то, что онъ не можетъ дѣлать отступленія отъ законоположеній, невѣдѣніемъ коихъ нельзя отказываться. Положеніе молодыхъ людей, тщетно ожидавшихъ столь продолжительное своихъ аттестатовъ и вынужденныхъ снова поступать въ университетъ на три года, было по истинѣ плачевное. Доказательствомъ этого могутъ служить сохранившіяся въ дѣлѣ письма къ попечителю Василия Назарьевича Каразина, его сына и студента Шрейдера. Вотъ подлинныя тексты этихъ любопытныхъ писемъ²⁾.

¹⁾ Къ довершенію путаницы помощникъ попечителя, основываясь на редакціи отвѣта Министра, разрѣшилъ выдать аттестатъ одному изъ этихъ лицъ. Третьему; аттестатъ этотъ отъ него былъ истребованъ обратно и замѣненъ свидѣтельствомъ.

²⁾ „Мужъ мой, писала Каразина, не рѣшается вторично беспокоить Васъ объ аттестатѣ сына нашего Александра, уже полтора года какъ окончившаго курсъ въ Харьковскомъ университетѣ и сколько мы могли слышать—не безуспѣшно. Но простѣе Милостивый Государь, эту смѣлость матери, несчастной уже въ столькихъ отношеніяхъ и осужденной еще видѣть милаго и достойнаго сына, лишаемымъ совершенно бездѣльнымъ и принадлежащаго ему по учрежденіямъ самаго Правительства аттестатъ обезкураженнымъ, лишеннымъ средствъ съ выгодой вступить на службу и терять лучшія годы своей жизни. И за что все это? Никакъ не могу придумать. Развѣ вина, что онъ слушалъ годъ лекціи въ Московскомъ университетѣ? Мы въ то время тамъ находились и мужъ мой хотѣлъ, чтобы онъ пользовался лекціями ученыхъ и искусныхъ тамошнихъ профессоровъ. Запрещенія не было переходить изъ одного университета въ другой. Потомъ, бывъ принуждены переселиться опять въ Харьковъ, мы и сына туда. Ежелибъ онъ велъ себя въ Московскомъ университетѣ хотя такъ какъ должно, то не приняли бы его опять въ здѣшній, гдѣ онъ слушалъ курсъ наукъ три года, ибо въ Московскій университетъ послѣ двухъ лѣтъ здѣсь, былъ онъ однако принятъ на второй курсъ все потому, что мужъ мой, въ виду болѣе науки, нежели полученіе только аттестата, заставилъ его слушать второго курса математическаго отдѣленія, которыя здѣсь уже преподаются на третьемъ курсѣ. Окончивъ этотъ третій курсъ здѣсь уже и съ похвалою, какъ я имѣла честь сказать, отказываютъ ему въ выдачѣ аттестата. Къ Вамъ, Сіятельнѣйшій Графъ, къ попечителю сего заведенія, слѣдовательно, покровителю въ немъ учащихся, прибѣгаю какъ къ справедливому и великодушному мужу, прибѣгаю съ покорнѣйшей просьбой объ оказаніи справедливости обиженному молодому человѣку. Извольте освѣдомиться о его поведеніи въ Московскомъ и здѣшнемъ университетѣ. Я слышала, что достойный нашъ профессоръ Робушъ призналъ и Вами таковымъ и много былъ обласканъ Вашимъ Сіятельствомъ. Извольте между прочимъ и у него спросить о нашемъ сынѣ: онъ былъ три года у него въ пансіонѣ и потомъ два года жилъ у него студентомъ. Онъ всегда отзывался о немъ, какъ о самомъ кроткомъ и прилежномъ молодомъ человѣкѣ. Надѣюсь, что и передъ Вами не откажется онъ дать такое свидѣтельство своему сыну. Если изволите въ этомъ убѣдиться, то умоляю Васъ прикажите выдать ему аттестатъ ему, на что онъ имѣетъ тѣмъ больше права, что одному изъ его товарищей, бывшему также въ Московскомъ университетѣ и которому по этой причинѣ ранѣе образомъ отказывали въ выдачѣ аттестата, теперь уже разрѣшили выдать и ему. Не лишайте, Сіятельнѣйшій графъ, бѣднаго молодого человѣка далѣе средствъ вступитъ

Справедливость требует замѣтить, что среди самихъ профессоровъ Харьковскаго университета существовало недовольство тою практикою, которая установилась относительно дарованія студентамъ разныхъ ученыхъ степеней. Это доказывается чрезвычайно дѣльной и умною запискою, внесенною по этому вопросу въ совѣтъ въ 1816 году профессоромъ Г. П. Успенскимъ.

Вотъ краткое ея резюме. По мнѣнію Успенскаго все зло происходило отъ того, что циркуляръ бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія въ службу. Ему уже 20 лѣтъ. По свойственному Вамъ великодушію избавьте несчастную мать отъ горести видѣть страдающимъ безвинно сына“ (1834).

Сынъ В. Н. Каразина Александръ писалъ.

„Пробывъ всѣ положенные три года въ Харьковскомъ университетѣ по физико-математическому отдѣленію и четвертый промежуточный въ Московскомъ, дабы воспользоваться тамошнею обсерваторіею необходимою для того, чтобы съ пользою слушать астрономическія лекціи, я въ іюні мѣсяцѣ прошедшаго 1833 года выдержалъ экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ математическаго отдѣленія въ здѣшнемъ Харьковскомъ университетѣ.

На прошеніе мое о выдачѣ слѣдующаго мнѣ аттестата, поданное въ августъ мѣсяцѣ 1833 года, правленіе университета не удостоило меня никакимъ отвѣтомъ. Прождавъ болѣе года, я снова утруждалъ сіе правленіе покорною моею просьбой объявить мнѣ по крайней мѣрѣ причины, по которымъ я не достоинъ получить его, и въ такомъ случаѣ возвратить мнѣ документы, представленные мною при вступленіи въ университетъ, дабы я могъ другимъ путемъ вступить въ службу. Но и на это правленіе не благоволило дать никакого разрѣшенія.

Наконецъ пріѣздъ Вашего Сіятельства подаль мысль моему отцу, статскому совѣтнику Василю Назаровичу Каразину, утруждать Васъ, Сіятельнѣйшій графъ, просьбою разрѣшить сомнительное мое положеніе и Вы милостиво обѣщали сдѣлать распоряженіе о выдачѣ мнѣ аттестата. Успокоенный этимъ снисходительнымъ отзывомъ Вашего Сіятельства, я явился въ правленіе университета въ полной надеждѣ, что воля Ваша будетъ исполнена, но правленіе не сдѣлало еще до сихъ поръ никакого распоряженія и я нахожусь совершенно безъ всякаго вида уже два съ половиною года.

Потерявъ въ тщетномъ ожиданіи, безъ всякой пользы много времени, не зная за собой никакой вины, которая могла бы лишить меня права на полученіе аттестата, ибо правленіе университета не сдѣлало никакого разрѣшенія на двѣ моихъ почтительныхъ просьбы, я осмѣливаюсь еще разъ обратиться къ Вашему Сіятельству. Обратите милостивое вниманіе Ваше, Сіятельнѣйшій графъ, на мое затруднительное положеніе и рѣшите наконецъ мою участь“.

„Дерзость, писалъ Шрейдеръ, съ которою осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашимъ сію просьбу, недостойна была бы прощенья, если бы не увѣренность въ великихъ качествахъ души Вашей не вложила бы въ меня надежду снискать ей пріютъ въ великодушій, украшающемъ высокую особу Вашего Сіятельства.

Находявшись съ 1828 года въ Московскомъ университетѣ, былъ я въ 1831 году, по случаю смерти моей матери, уволенъ въ отпускъ въ городъ Тамбовъ, гдѣ по причинѣ задержавшей меня болѣзни и по разстроенымъ обстоятельствамъ принужденъ пробыть при малолѣтнихъ братьяхъ, лишенныхъ родителей, довольно долгое время и хотя представлялъ университетскому начальству неоднократныя свидѣтельства отъ врачебной управы о болѣзни, однако по возвращеніи въ Москву долженъ былъ взять уволь-

свѣщенія нарушилъ параграфы университетскаго устава; ибо по этому циркуляру своекоштнымъ студентамъ предоставлено было право держать магистерскій экзаменъ ранѣе назначеннаго уставомъ трехъ-годовалнаго срока. Еще въ 1812 году студентъ-кандидатъ словеснаго отдѣла Гевличъ, спустя годъ послѣ полученія этой степени, подалъ просьбу о разрѣшеніи ему держать магистерскій экзаменъ, а Министръ Народнаго Просвѣщенія въ началѣ 1813 года не только разрѣшилъ ему это, но и прибавилъ, что своекоштные кандидаты могутъ до истеченія 3-хъ лѣтъ держать даже докторскій экзаменъ. Съ этого времени, говоритъ Успенскій, и начались несогласія и раздоры между нами, начались прехвременныя, всегда почти со спорами соединенныя, не говорю, пристрастныя производства. Въ это время получилъ степень доктора правъ и Дегай, не окончившій еще и приготовленія къ магистерскому экзамену. Спорили, кричали, подавали другъ противъ друга голоса, роптали здѣшняя публика, Дегай нашелъ себѣ защитниковъ и получилъ степень. Съ этого достопамятнаго дня казеннокоштные питомцы были унижены передъ своекоштными. Какая охота могла быть у казеннокоштныхъ къ занятіямъ, когда они напередъ знали, что какъ бы ни старались, какіе бы не обнаруживали успѣхи, но ранѣе трехъ лѣтъ имъ экзамена держать не позволятъ, между тѣмъ какъ своекоштный можетъ сдѣлаться послѣ двухлѣтняго своего пребыванія въ университетѣ кандидатомъ, а еще черезъ годъ докторомъ да еще по другому

нительное свидѣтельство, съ коимъ и былъ принятъ въ Харьковскій университетъ и зачисленъ на третій курсъ этико-политическаго отдѣла въ началѣ 1833 года, а на экзамену въ іюнь мѣсяцъ сего же года удостоенъ совѣтомъ университета степени кандидата. Потеря невиннымъ образомъ въ Москвѣ, я уже благодарю Провидѣніе за Его ко мнѣ милости въ Харьковѣ, какъ вдругъ предписаніе вѣнскаго начальства не выдавать намъ аттестатовъ до его разрѣшенія, какъ мы имѣли право слышать отъ Его Превосходительства господина бывшаго понечителя, поразило меня. Ожидая тщетно этого разрѣшенія, трое изъ моихъ товарищей поступили въ военную службу, гдѣ въ аттестатахъ слишкомъ очевидной нужды имъ встрѣтиться не могло. Тѣмъ болѣе, что двое изъ нихъ произведены въ офицерскій чинъ, четвертый—Труаръ получилъ уже его, одинъ я остаюсь единственно въ надеждѣ. Но не видя ничего и по сіе время въ продолженіе слишкомъ 20 мѣсяцевъ, я вынужденнымъ нашелся обзавестись Васъ, Сіятельныйшій графъ, удостойте войти въ мое бѣдственное положеніе. Не имѣя родителей, никакого состоянія и малѣйшей поддержки, я кое-какъ влачилъ мои дни до сихъ поръ, но теперь наконецъ затрудняюсь даже въ способахъ моего существованія—только полученіе аттестата можетъ вывести меня изъ этого затрудненія. Ваше Сіятельство, взгляните со свойственною душѣ Вашей великою добротою на мое несчастіе. Великодушіе такое найдетъ отголосокъ въ мольбахъ ко Всевышнему тѣло, который съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ и таковою же преданностью имѣлъ честь назваться“ (1835 г.).

факультету. Когда же онъ могъ такъ быстро просвѣтиться? Это различіе принесло большой вредъ и самому университету, ибо казенно-коштные студенты стали возвращать деньги и переходить въ разрядъ своекоштныхъ, благодаря чему уменьшилось число учителей. Въ виду этого необходимо уничтожить указанное различіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить и казеннокоштнымъ, и своекоштнымъ, въ особыхъ случаяхъ—за отличіе, сокращать трехлѣтній срокъ. Особенно серьезно нужно обставить полученіе докторской степени, ибо въ Россіи она даетъ очень большія преимущества—право на штабъ-офицерскій чинъ, т. е. потомственное дворянство. Степень эту нужно давать не за переводы, а за самостоятельныя, оригинальныя работы¹⁾.

Чтобы дать понятіе о тогдашнихъ испытаніяхъ на степень кандидата, сообщимъ данныя объ одномъ изъ нихъ—именно объ экзаменѣ на словесномъ факультетѣ студента Ковалевскаго. Въ факультетъ онъ представилъ для полученія кандидатской степени сочиненіе подъ заглавіемъ,—„о цѣли нравственной философіи“. По разсмотрѣніи и одобреніи его, онъ былъ допущенъ къ устному экзамену. У проф. богословія онъ отвѣчалъ очень хорошо о законѣ вѣчномъ, естественномъ, о совѣсти, ея дѣйствіи на человѣка, о законѣ божественномъ; у проф. философіи Дудровича отвѣчалъ очень хорошо—о недостаткахъ ума касательно познавательной способности, о сужденіи, познаніи нравственного закона; у профессора русской словесности Борзенкова очень хорошо—о состояніи словесности отъ Теофана до Ломоносова; у профессора латинскаго языка Кронеберга отвѣчалъ очень хорошо—(перевелъ и объяснилъ 1-ю главу Цицероновой рѣчи за стихотворца Архія), у адъюнкта всеобщей исторіи Филомафитскаго отвѣчалъ превосходно—о событіяхъ въ Европѣ во время царствованія Людовика XIV-го; у адъюнкта географіи и статистики Куницкаго отвѣчалъ очень хорошо—о владѣніяхъ англичанъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта; у него же изъ русской исторіи и географіи отвѣчалъ очень хорошо о состояніи Россіи съ 1462 по 1504 годъ и о водяныхъ ея сообщеніяхъ, о ея богатствахъ и торговлѣ; у проф. Паки-де-Совиньи изъ французской словесности отвѣчалъ очень хорошо о Буало и его сочиненіяхъ. По окончаніи этого испытанія ему предложено было нѣсколько вопросовъ изъ философскихъ наукъ, которыми, по его объясненію, онъ особенно занимался и онъ выбралъ тему для письменной работы, въ присутствіи членовъ факультета—ученіе Платона о Божествѣ. И это сочиненіе по

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. Сов. 1816 г. № 10.

разсмотрѣніи было признано удовлетворительнымъ и Ковалевскому присуждена степень кандидата ¹⁾ (1821-й годъ).

Спросъ на лицъ, окончившихъ университетъ, былъ тогда великъ. О размѣрахъ его свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что въ 1819 г. никто изъ своекоштныхъ магистровъ, кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ Харьковского университета не пожелалъ занять хлѣбъ секретаря и столоначальника при губернаторѣ Кавказской губ. ²⁾

Для обезпеченія нѣкоторыхъ должностей государственной службы (учителей, врачей) былъ учрежденъ и корпусъ казеннокоштныхъ студентовъ, къ которымъ относились съ особымъ вниманіемъ и заботливостью.

Въ 1828 г. казеннокоштнымъ студентамъ, опредѣлявшимся въ учителя, велѣно было выдавать по 150 или по 200 р. изъ хозяйственныхъ суммъ департамента и оставлять имъ тѣ вещи, которыми они пользовались въ качествѣ казеннокоштныхъ студентовъ, хотя бы имъ и не вышелъ еще срокъ ³⁾.

Въ 1828 г. приказано было казеннокоштныхъ студентовъ, не успѣвающихъ въ наукахъ, въ случаѣ явной ихъ неспособности, исключать по истеченіи года изъ университета, съ разрѣшенія Министра, наравнѣ тѣмъ какъ своекоштныхъ могъ удалять самъ попечитель... ⁴⁾ Старались расширить права и всѣхъ вообще студентовъ.

9-го іюля 1822 года Императоръ Александръ I Высочайше соизволилъ присвоить получившимъ званіе дѣйствительнаго студента 12-го класса должность, а кандидата—10-го ⁵⁾.

Въ 1834 году попечитель возбудилъ ходатайство передъ Министромъ о предоставленіи студентамъ петлицъ на мундиры. „Студенты Харьковского университета, писалъ онъ, благонравіемъ, кротостью и послушаніемъ начальственнымъ предписаніямъ, хорошимъ своимъ и благороднымъ поведеніемъ, заслуживали и заслуживаютъ особенное вниманіе благотѣльнаго начальства. Желая еще болѣе утвердить ихъ въ этомъ, осмѣливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство ходатайствовать имъ петлицы на мундиры по примѣру прочихъ университетовъ, но съ такимъ при томъ правиломъ, чтобы студентъ получалъ право нашить петлицы не иначе, какъ пробывъ годъ въ университетѣ и будучи одобренъ въ своемъ поведеніи и нравственности инспекторомъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 851/46.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 595/30.

³⁾ Харьк. унив. Архивъ. Д. поп. № 1242/71.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Харьк. унив. Архивъ. Д. поп. № 927/50.

ректоромъ, правленіемъ, оказавши на экзаменахъ успѣхъ въ наукахъ и заслуживши одобреніе отъ профессоровъ своего факультета и въ особенности декана; наоборотъ студентъ за дурной поступокъ, непослушаніе, безуспѣшность въ наукахъ можетъ быть лишенъ петлицы и послѣ этого никакъ уже не могъ бы получить ее вторично. Основаніемъ для этого предложенія являются слѣдующія соображенія. Молодой человекъ, вступившій въ университетъ и желая въ видѣ отличія носить петлицы, будетъ и вести себя гораздо осторожнѣе и болѣе прилежать къ ученію, а, получивъ ихъ, будетъ страшиться потерять на нихъ право. Часто маловажныя съ перваго взгляда вещи имѣютъ значительныя послѣдствія. Вниманіе начальства и нѣкоторыя отличія замѣтно способствуютъ поддержанію добрыхъ намѣреній и усугубляютъ дѣятельность молодого человека къ самоусовершенствованію. Министръ однако не призналъ своевременнымъ возбужденіе подобнаго ходатайства ¹⁾.

Особенно нужны были лица съ университетскимъ образованіемъ для занятія учительскихъ мѣстъ.

Съ 1822-го по 1829-й годъ (въ теченіе 7 лѣтъ) изъ Харьковскаго университета вышло 56 кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ, поступившихъ учителями въ гимназіи и уѣздныя училища Харьковскаго учебнаго округа; изъ нихъ учителями въ гимназіи поступило казеннокоштныхъ кандидатовъ—1, своекоштныхъ кандидатовъ 3, казеннокоштныхъ студентовъ 7, всего 11 душъ; въ училища—казеннокоштныхъ кандидатовъ 2, своекоштныхъ кандидатовъ 1, казеннокоштныхъ студентовъ 40, своекоштныхъ студентовъ 2, всего 45 человекъ. Такимъ образомъ, въ среднемъ поступало въ учителя по 8 человекъ и притомъ огромное большинство въ уѣздныя училища. Любопытно, что туда поступали не только казеннокоштные, но и своекоштные кандидаты; всѣхъ учителей изъ казеннокоштныхъ студентовъ и кандидатовъ было 50, своекоштныхъ только 6. Слѣдовательно, институтъ казеннокоштныхъ студентовъ удовлетворялъ своей цѣли—доставлялъ учительскій персоналъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, хотя, быть можетъ, и въ недостаточномъ количествѣ. Но почему такъ мало питомцевъ Харьковскаго университета поступало въ учителя гимназій Харьковскаго учебнаго округа? Быть можетъ, это было временное явленіе, вызванное заполненіемъ учительскихъ вакансій въ гимназіяхъ въ предшествующее время и поддерживавшееся слабымъ увеличеніемъ числа гимназій. Между тѣмъ уѣздныхъ училищъ было очень много въ округѣ и они постоянно нуждались въ учителяхъ, куда и уходило значитель-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1955/126.

ное количество дѣйствительныхъ студентовъ, не добившихся кандидатской степени, которую въ то время получить было очень трудно.

Переходимъ теперь къ вопросу о студенческихъ организаціяхъ, въ которыхъ нашли себѣ выраженіе ихъ стремленіе къ общественной, благотворительной и художественной дѣятельности.

С. И. Кованько сообщаетъ, что „въ 1819 г. студенты Харьковскаго университета составили „Общество любителей отечественной словесности“, которое съ 5 генваря до первыхъ чиселъ мая 1819 года, съ одобренія и одобренія начальства, имѣло каждую недѣлю одинъ разъ засѣданія въ домѣ казеннокоштныхъ студентовъ, подъ предѣтельствомъ одного изъ сочленовъ Ал. Склабовскаго и состояло подъ руководствомъ инспектора казеннокоштныхъ студентовъ и декана словеснаго отдѣленія Г. П. Успенскаго и профессора философіи А. И. Дудевича. Членами общества были студенты: Склабовскій (положившій основаніе этому прекрасному заведенію), И. Т. Гонорскій (братъ Разумника Тимофеевича Гонорскаго), И. Я. Золотаревъ, Н. П. Лавицкій, Н. С. Петровскій, А. М. Пафнутьевъ, А. И. Карасевъ и учитель Львовскаго уѣзднаго училища Н. М. Савостьяновъ. Существующее это общество извѣстно по книжкѣ „Труды студентовъ-любителей отечественной словесности въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ“. Но если подъ именемъ „общества“ можно разумѣть не одно только соединеніе людей, которое официально наименовало себя обществомъ, а всякое сочлененіе особъ для дѣйствія общими силами и къ общей цѣли, то Харьковское общество студентовъ-любителей отечественной словесности началось въ 1817 году и продолжалось до 1822 года включительно и въ теченіе 6 лѣтъ непрерывнаго существованія ознаменовало каждый годъ выпускомъ въ свѣтъ своихъ трудовъ ¹⁾“.

Въ 1-й главѣ настоящаго сочиненія мы уже коснулись вопроса о возникновеніи, характерѣ и судьбѣ студенческаго библейскаго сотоварищества; теперь намъ остается прибавить къ этому немного.

Идея этого общества возникла не среди самихъ студентовъ, а была навѣяна извнѣ—изъ высшихъ учебныхъ сферъ. Стоявшій во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ дѣйствовалъ на попечителя округа З. Я. Карнѣева, попечитель на проректора Давыдовскаго, а этотъ послѣдній—на студентовъ. Ходатайство студентовъ объ учрежденіи сотоварищества было вызвано его призывомъ къ студентамъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ приведеннаго въ первой главѣ текста этого ходатайства.

---

¹⁾ Харьк. Губ. Вѣд. 1859 г. № 82.

Попечитель въ свою очередь поощрилъ и Джунковскаго, и Дудровича, и студентовъ въ ихъ намѣреніи, разрѣшивъ немедленно открытіе этого новаго общества. За тѣмъ начинается взаимный обмѣнъ благодарностями между попечителемъ и сотовариществомъ. Сотоварищество пишетъ попечителю.

„Высокое покровительство Вашего Превосходительства, оказанное столь торжественно студентскому Библейскому сотовариществу, преисполнило сердца всѣхъ, составляющихъ его, глубочайшею признательностью. Соизволивъ принять участіе въ спасительномъ предпріятіи студентовъ, клонящемся къ распространенію слова Божія, Ваше Превосходительство открыли тѣмъ намъ рѣдкую доброту вашего сердца, показали важность предпринятаго нами и вмѣстѣ съ тѣмъ усугубили силы наши къ достиженію предположенной мечты. Исполненные священныхъ чувствъ благодарности, мы въ первомъ засѣданіи нашемъ, происходившемъ 9 іюня сего года, въ присутствіи ректора университета, статскаго совѣтника и кавалера В. Я. Джунковскаго и инспектора казеннокоштныхъ студентовъ Андрея Ивановича Дудровича, первымъ священнѣйшимъ долгомъ поставили изъяснить глубочайшую признательность студентскаго Библейскаго сотоварищества Вашему Превосходительству, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ члену и высокому Покровителю его, ибо понимаемъ ваше рѣшеніе представить намъ изъ числа книгъ, пожертвованныхъ извѣстными ревнителями слова Божія пасторами Патерсономъ и Гендерсономъ одинъ экземпляръ Новаго Завѣта съ дѣяніями и 10 первыми посланіями апостольскими на славянскомъ и російскомъ языкахъ. Чувствуемъ въ полной мѣрѣ, сколь слабо наше приношеніе въ сравненіи съ чувствами нашихъ сердецъ, но мы рѣшились лучше обнаружить ихъ по возможности, нежели, оставаясь безмолвными, дать другимъ справедливое право упрекать насъ въ нечувствительности. Примите, Ваше Превосходительство, со свойственнымъ Вамъ снисхожденіемъ, сей первый даръ, приносимый студентскимъ Библейскимъ сотовариществомъ, чувствующимъ въ полной мѣрѣ важность мѣста, на которое вы своимъ соучастіемъ оное поставили; ибо, благоволивъ участвовать въ нашемъ предпріятіи, Вы содѣлали цѣлое отечество свидѣтелемъ съ одной стороны высокаго Вашего къ намъ довѣрія и вниманія, а съ другой непремѣнной священной обязанности нашей оправдать ихъ предъ лицомъ онаго. Молимъ Бога, да ниспошлетъ на насъ святую свою помощь дѣйствовать на спасеніе собственное и нашихъ собратій на семъ священномъ поприщѣ, дабы, одушевляясь примѣрсмъ Вашего Превосходительства, подъ руководствомъ благородномыслящихъ нашихъ наставниковъ, ревностнымъ участіемъ своимъ въ полной мѣрѣ заслуживающихъ

и Ваше довѣріе и нашу благодарность, содѣлались предъ взорами общества достойными совершенно высокаго участія, коимъ почтили Ваше Превосходительство студентское Библейское сотоварищество“.

Попечитель отвѣчаетъ на это такъ.

„Съ сердечнымъ удовольствіемъ увидѣлъ я изъ отзыва ко мнѣ студентскаго Библейскаго сотоварищества, что члены его, вступивъ въ поприще столь спасительнаго дѣла, приѣмлютъ твердое намѣреніе съ помощію Божіею идти на ономъ далѣе къ славѣ всесвятаго имени Іисуса Христова и къ собственной въ немъ и чрезъ него пользѣ своей и собратій своихъ. Таковой отличный подвигъ студентскаго Библейскаго сотоварищества подаетъ мнѣ пріятную надежду, что гг. студенты, стремясь къ истинному просвѣщенію, на духѣ Евангелія основанному, оправдаютъ ожиданія верховнаго начальства, а потому и поручаю Вашему Высокородію объявить имъ, что я всегда готовъ буду способствовать успѣхамъ ихъ въ дѣлѣ Божіемъ и трудящихся въ ономъ приѣму въ особенное вниманіе“.

Тронутое этимъ сотоварищество сдѣлало попечителю слѣдующее донесеніе о своихъ успѣхахъ ¹⁾.

„Лестное одобреніе Вашего Превосходительства, изъявленное чрезъ ректора университета студентскому Библейскому сотовариществу, исполнило сердца всѣхъ членовъ, составляющихъ его, глубочайшею признательностью. Видя новое разительное доказательство Вашего вниманія, студентское Библейское сотоварищество чувствуетъ себя такъ болѣе обязаннымъ оправдать его и еще ревностнѣе дѣйствовать на ономъ поприщѣ во славу имени Іисуса Христа въ собственную свою и другую пользу.“

Исполненное сихъ чувствій, оно желаетъ, чтобы каждый шагъ его на этомъ пути спасенія былъ, такъ сказать, предъ взоромъ Вашимъ. Въ этомъ намѣреніи осмѣливается представить Вашему Превосходительству о происходившемъ въ послѣднемъ его собраніи, бывшемъ октября 23 сего года въ присутствіи ректора университета и инспекторовъ казенно-коштныхъ и своекоштныхъ студентовъ. Начало собранія открыто чтеніемъ отношенія Вашего Превосходительства на имя ректора университета, возбудившимъ живѣйшую признательность и рвеніе еще большее въ сердцахъ всѣхъ присутствовавшихъ и вновь поступившихъ членовъ сотоварищества; за этимъ читаны отношенія Слободско-Украинскаго губернатора и совѣта Харьковскаго Института Благородныхъ Дѣвъ, содержащія первое: признательность сотовариществу за пожертвованіе

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 561/28.

имъ деньги въ пользу потерпѣвшихъ отъ пожара, а второе благодарность совѣта за присланную въ даръ книгу Новый Заветъ и первыя 10 посланій апостольскихъ на славянскомъ и російскомъ языкѣ. Потомъ прочтенъ списокъ всѣхъ членовъ сотоварищества. По исключеніи умершихъ и выбывшихъ, вновь присоединилось болѣе 20 членовъ, пожелавшихъ принять участіе въ спасительномъ дѣлѣ сотоварищества, коимъ въ то же время роздано нѣсколько экземпляровъ воззваній. Въмѣстѣ съ новопоступившими членами и инспекторъ своекоштныхъ студентовъ профессоръ К. П. Пауловичъ пожелалъ принять на себя званіе члена. За симъ по предложенію ректора университета, согласно съ желаніемъ всѣхъ членовъ студентскаго Библейскаго сотоварищества избраны: для удобнѣйшаго отправленія и распоряженія по сотовариществу въ добавленіе къ прежнимъ, въ директоры, студентъ М. Протопоповъ, въ казначеи на мѣсто выбывшаго Сорочинскаго, студентъ Н. Дружkevичъ. Собраніе заключено рѣчью, произнесенною студентомъ Протопоповымъ: о происхожденіи Библейскихъ обществъ въ государствахъ, какъ торжественномъ знаменіи возрожденія общественной жизни въ человѣкѣ. Въ этомъ состояли дѣйствія студентскаго Библейскаго сотоварищества въ послѣднемъ его собраніи, о коихъ оно постановило непремѣннымъ долгомъ донести и симъ доносить Вашему Превосходительству, какъ члену и вмѣстѣ высокому своему Покровителю,—дѣйствія ясно свидѣтельствующія, что слово Божіе время отъ времени собственною благодатію своею дѣйствуетъ болѣе и болѣе на сердца юныя, ибо съ каждымъ новымъ собраніемъ число членовъ непрестанно увеличивается, такъ что отъ начала открытія сотоварищества по сіе время, какъ число членовъ, такъ и денегъ увеличилось вдвое“.

Но не смотря на внѣшніе успѣхи новаго общества (возрастаніе числа членовъ, членскихъ взносов), оно не имѣло твердой почвы для органическаго роста и развитія: юные его члены повторяли съ чужого голоса мысли о духовномъ возрожденіи въ своихъ рѣчахъ, литературныхъ опытахъ и стихотвореніяхъ, лишенныхъ искренности и художественнаго элемента,—а дѣйствительнаго внутренняго правственнаго обновленія достигъ было гораздо труднѣе и все дѣло ограничивалось словами да изрѣдка, въ видѣ исключенія кое какими благотворительными дѣлами. Такимъ образомъ, это было зданіе, воздвигнутое на песокъ. Неудивительно, поэтому, что оно немедленно разрушилось, лишь только его перестали поддерживать сверху, — а это произошло, какъ мы знаемъ, при новомъ министрѣ народнаго просвѣщенія Шишковѣ, который призналъ дѣятельность Библейскихъ обществъ чрезвычайно вредною для православія и просвѣщенія и предлагалъ истреблять из-

данныя ими книги. И въ обществѣ Харьковскомъ Библейскомъ рещества успѣха не имѣли: Харьковскій епископъ Павелъ, видѣли, свидѣлствовалъ, что свѣтскія лица „терпѣть ихъ не могутъ“, а сборъ денегъ производился духовенствомъ и то по принужденію въ заключеніе онъ просилъ указанія, дѣйствовать ли по прежнему или иначе.

Въ ноябрѣ 1825 года студенты харьковскаго университета адъюнкта русской словесности Склабовскаго, подали ректору проектъ въ которомъ изъявили желаніе составить „Общество любителей философскій факультетъ составляющихъ“. Попечитель Е. В. Ефремовъ разсмотрѣвъ проектъ устава этого общества, составленный адъюнктомъ Склабовскимъ, нашелъ, что его нужно назвать „Студенческое сотовариществомъ Общества наукъ при харьковскомъ университетѣ“, и поставить подъ непосредственное руководство и наблюденіе общества, которое должно будетъ разсмотрѣть его уставъ и представить на него свои замѣчанія. Съ своей же стороны, попечитель считалъ нужнымъ, во-первыхъ, чтобы въ каждомъ засѣданіи „Сотоварищества“ попеременно присутствовалъ одинъ или два члена общества изъ его университетскихъ членовъ; во-вторыхъ, прежде открытія его назначить, кому слѣдуетъ, узнать о способностяхъ и свойствахъ студентовъ желающихъ вступить въ члены, и допускать туда только достойныхъ, подъ отвѣтственности директоровъ сотоварищества: въ-третьихъ, установить правило, чтобы студенты, отличавшіеся своими трудами въ сотовариществѣ, поступали въ сотрудники общества наукъ; въ-четвертыхъ, наконецъ, чтобы болѣе состоятельные члены сотоварищества оказывали ему нѣкоторую денежную помощь для содержанія библіотеки и погашенія необходимыхъ мелкихъ расходовъ.

Общество наукъ (въ составъ котораго входили, главнымъ образомъ, профессора университета), разсмотрѣвъ уставъ сотоварищества съ своей стороны постановило—студенческаго сотоварищества въ обществу наукъ не присоединить, а поставить ему въ обязанность ежемесячно сообщать послѣднему о ходѣ своихъ занятій.

Правила студенческаго сотоварищества были въ общихъ чертахъ таковы. Оно составлялось на основаніи § 9 университетскаго устава 1814 года предусматривавшаго образованіе при университетѣ ученыхъ обществъ занятія словесностью и опытными науками. Мотивы для его образованія были сформулированы такъ. „Кандидаты и студенты университета будутъ совершенствоваться въ словесности посредствомъ дружескаго безпристрастнаго разбора какъ собственныхъ, такъ и чужихъ мнѣній; общество это, познакомивъ членовъ другъ съ другомъ и поощривъ

имъ одну общую цѣль, можетъ скорѣе раскрыть ихъ способности, возбудить соревнованіе въ дѣлѣ приобрѣтенія болѣе основательныхъ познаній въ отечественномъ языкѣ, приохотить къ ученымъ занятіямъ и удовольствіямъ, ими доставляемымъ, приучить предпочитать ихъ обыкновеннымъ свѣтскимъ забавамъ, утомляющимъ чувства и оставляющимъ въ душѣ пустоту, оно можетъ доставить студентамъ особую честь и лестное одобреніе просвѣщенныхъ и благомыслящихъ людей, привыкшихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ смотрѣть на общую пользу отечества и предпочитать ее частнымъ выгодамъ. Общество намѣрено лучшія и наиболѣе обработанныя по древнимъ и новѣйшимъ образцамъ сочиненія своихъ членовъ печатать въ журналѣ, издаваемомъ университетомъ, а съ умноженіемъ числа ихъ—и отдѣльными книгами. Выручка отъ продажи этихъ изданій, а равно и всѣ суммы, которыя останутся за покрытіемъ необходимыхъ расходовъ по обществу, назначаются на вспомошествованіе такихъ учениковъ уѣздныхъ училищъ и гимназій и студентовъ, которые, при недостаточности состоянія, будутъ отличаться дарованіями, успѣхами, поведеніемъ и склонностью къ наукамъ, въ особенности къ русской словесности и древнимъ языкамъ“.

Общество должно было состоять подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и покровительствомъ попечителя округа и могло избирать еще особыхъ своихъ попечителей изъ лицъ, способствовавшихъ его благосостоянію и пользамъ. Попечители получали выписки изъ журналовъ общества, а ежегодные отчеты, сверхъ того, представлялись черезъ ректора попечителю округа, который сообщалъ о нихъ министру народнаго просвѣщенія. Члены раздѣлялись на дѣйствительныхъ, почетныхъ, сотрудниковъ, корреспондентовъ и благотворителей. Дѣйствительные члены избирались изъ студентовъ, кандидатовъ и магистровъ, какъ находившихся въ вѣдомствѣ университета, такъ и выбывшихъ изъ него, съ условіемъ, чтобы они любили русскую словесность и желали содѣйствовать задачамъ общества. Адъюнкты университета, по желанію своему, подтвержденному согласіемъ общества, могли получить званіе его дѣйствительныхъ членовъ. Избраніе производилось по предложенію одного изъ членовъ, который долженъ былъ представить оригинальное либо переводное сочиненіе кандидата или вообще доказательства его познаній въ отечественной словесности; извѣстные начальству своими дарованіями, успѣхами въ наукахъ и благонравіемъ могли приниматься и безъ этого удостовѣренія. Каждый дѣйствительный членъ обязанъ былъ ежемѣсячно представить по крайней мѣрѣ одно прозаическое или стихотворное произведеніе: лицо, не представившее въ теченіе мѣсяца никакого сочиненія и не сообщившее о своихъ занятіяхъ или не явив-

шеся безъ уважительной причины въ теченіе мѣсяца въ записки общества, исключалось изъ числа членовъ его. Почетные члены не имели никакихъ особыхъ обязанностей по обществу, а могли оказывать пользу своими совѣтами, пожертвованіями и сочиненіями. Въ члены-сотрудники могли поступать студенты, не желавшіе принимать на себя обязанностей дѣйствительныхъ членовъ или не могшіе удовлетворять предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, а равно воспитанники гимназій и благородныхъ пансіоновъ; предполагалось, что вниманіе общества къ развивающимся талантамъ молодежи возбудитъ въ нихъ особенное усердіе къ отечественной словесности и откроетъ путь къ дальнѣйшему усовершенствованію для пользы отечества. Члены-сотрудники могли переходить въ категорію дѣйствительныхъ членовъ. Въ члены-корреспонденты могли избираться учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ Харьковскаго учебнаго округа. Главная ихъ обязанность должна была состоять въ присылкѣ своихъ и чужихъ трудовъ историческаго, статистическаго и экономическаго характера, касающихся Украины и вообще губерній, входящихъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа; кромѣ того, они принимали на себя заботу о распространеніи изданій общества и привлеченіи къ нему благотворителей. Члены-благотворители брали на себя обязанность дѣлать пожертвованія книгами и деньгами, такъ какъ безъ такой матеріальной помощи, какъ извѣстно, ни одно ученое общество не можетъ имѣть продолжительнаго и прочнаго существованія. Размѣръ пожертвованій не опредѣлялся. Любовь къ просвѣщенію, говорилось въ проектѣ, и благороднѣйшее желаніе оказывать необходимую помощь ищущимъ его, должны опредѣлять мѣру благотворенія, и потому всякое пожертвованіе будетъ приниматься съ благодарностью; имена благотворителей будутъ вноситься въ особую книгу для сохраненія о нихъ памяти и при изданіи трудовъ общества будутъ напечатаны съ обозначеніемъ ихъ пожертвованія; затѣмъ черезъ директора округа объ этомъ будетъ доводиться до свѣдѣнія министра. Предсѣдатель избирался по большинству голосовъ изъ дѣйствительныхъ членовъ общества и утверждался по представленію ректора попечителемъ округа. Кромѣ того, для большаго успѣха въ своей дѣятельности общество избирало еще нѣсколькихъ директоровъ изъ членовъ, наиболѣе преуспѣвшихъ въ какой-либо отрасли наукъ или языкахъ. Директора должны были руководить малоопытными членами и сотрудниками въ ихъ борьбѣ темъ для сочиненій и лучшимъ изложеніи матеріала. Кромѣ того общество избирало временнаго предсѣдателя и секретаря. Казначей принималъ денежные суммы, велъ кассовую книгу и давалъ обществу о нихъ ежемѣсячные отчеты; каждое полугодіе общество ревизовало

назначая черезъ особыхъ ревизоровъ. Библіотекарю поручалась бібліотека, которая должна была составиться частью путемъ пожертвованій, частью покупкою книгъ и періодическихъ изданій, которымъ предполагали вести подробный реестръ. Библіотекою могли пользоваться всѣ члены общества. Переписку общество имѣло право вести при посредствѣ университета.

Главная задача общества должна была состоять въ критическомъ разборѣ и изданіи оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, относящихся къ изящной словесности и словеснымъ наукамъ, а частью и къ другимъ отраслямъ знаній при условіи, чтобы они были написаны чистымъ, вразумительнымъ и пріятнымъ языкомъ, такъ какъ особенное вниманіе общество желало обращать на слогъ; на первомъ планѣ стояли произведенія русскихъ писателей и особенно поэтовъ. Засѣданій должно было быть не менѣе четырехъ въ мѣсяцъ, исключая вакаціоннаго времени,—преимущественно въ праздничные и воскресные дни. Порядокъ для разбора сочиненій предполагался такой: сперва сочинитель или переводчикъ медленно и внятно читаетъ свою работу, чтобы каждый могъ замѣтить или записать неправильности или неясности содержанія или изложенія; затѣмъ, всѣ поочередно представляютъ въ скромной и благопристойной формѣ доказательства ихъ; наконецъ, предсѣдатель собираетъ голоса, причемъ для полученія большинства требуется $\frac{2}{3}$ ихъ. Исправивъ сочиненіе, согласно сдѣланнымъ въ обществѣ замѣчаніямъ, авторъ возвращаетъ его секретарю. Въ случаѣ накопленія большого количества работъ, ихъ разсматриваетъ особый комитетъ изъ предсѣдателя, директоровъ и секретаря, сообщающій о своихъ заключеніяхъ обществу. Во время засѣданій должна быть соблюдаема строжайшая благопристойность и скромность, и потому запрещаются разговоры о дѣлахъ, не относящихся къ обществу, жаркіе споры, а въ особенности колкія слова, оскорбительныя выраженія и насмѣшки, относящіяся къ личности сочинителя. За исполненіемъ этого правила долженъ наблюдать предсѣдатель, имѣющій право, въ случаѣ надобности, закрыть засѣданіе; нарушившіе это правило, послѣ троекратнаго напоминанія, исключались изъ состава членовъ. Одинъ или два раза въ полугодіе должно быть торжественное засѣданіе, на которое приглашаются и посторонніе любители просвѣщенія.

Уставъ этотъ, какъ не трудно видѣть, имѣетъ одинъ существенный недостатокъ—излишнюю регламентацію. Едва-ли, напримѣръ, слѣдовало вносить требованіе, чтобы дѣйствительные члены общества оставляли ежемѣсячно по одному сочиненію—это требованіе было прямо-таки неисполнимо; кромѣ того, онъ отличался широтою своихъ

плановъ и программы. Но въ немъ пріятно поражаетъ насъ связь, которая устанавливалась имъ между студенческимъ и профессорскимъ обществомъ наукъ, между студентами, кандидатами, магистрами, учителями, разбѣянными въ округѣ, и профессорами. Очевидно, нужно видѣть благотѣльное дѣйствіе университетскаго устава 1804 года установившаго тѣсное общеніе между высшей, средней и начальной школой.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, получило ли это общество практическое осуществленіе.

Литературные вкусы студентовъ нашли себѣ выраженіе въ организации кружка любителей сценическаго искусства среди студентовъ, дававшихъ представленія въ 1814 и 1815 годахъ, какъ это видно изъ слѣдующаго officialнаго сообщенія ректора Осиповскаго Министру.

„При университетѣ нѣтъ ни театра, ни директора его: въ тѣ дни, которые только вакаціонные дни студенты и кандидаты казеннокоштныхъ и нѣкоторые своекоштные просили у меня позволенія представить нѣсколько театральныхъ піесъ въ студенческой столовой залѣ для упражненія въ декламации. Я, два раза давши имъ на это позволеніе, представлялъ о могущей быть впредь подобной просьбѣ отъ студентовъ Его Сіятельству Министру Народнаго Просвѣщенія и получилъ въ отвѣтъ, что это позволить можно съ выборомъ приличныхъ піесъ.

Для выбора піесъ истребованъ былъ отъ меня изъ полиціи каталогъ піесъ, позволенныхъ для представленія въ публичныхъ театрахъ и отданъ студентамъ. По этому каталогу избрали они піесы сами на себѣ, какія кто представлять брался и представляли для апробаціи инспектору казеннокоштныхъ студентовъ. Въ тотъ день, когда нужно было представлять какую піесу, давали они мнѣ знать какъ объ искомомъ быть представленіи, такъ и о піесѣ и я давалъ знать объ этомъ полиціи; для присутствованія при представленіи студенты приглашались сами, кромѣ университетскихъ чиновниковъ, и знакомыхъ имъ изъ дворянства и купечества. Соблюденіе внутреннего благочинія и распорядка мѣстъ было поручено мною экзекутору университета.

Піесы, представленныя по настоящее время студентами были слѣдующія:

Въ 1814 году,

во время масленицы:

Ненависть къ людямъ и раскаяніе, Р. Коцебу.

Драма: Сидонія или жертва смерти.

Трагедія: Беверлей и послѣ балетъ.

Во время Святой недѣли:

Комедія: Награжденная справедливость;

Трагедія: Безбожный, Дмитріевскаго;

Комедія: Не все то золото, что блеститъ, а потомъ балетъ.

Въ святки:

Комедія: Эпиграмма;

Драма: Клеветники, } Коцебу;

Комедія: Суматоха, }

Комедія: Ябеда, Капниста.

Въ 1815 году,

во время масляницы:

Комедія: Скопиковы обманы, Молиера;

Комедія: Несчастіе, Коцебу и комедія: Донъ Рамудодѣ Калибродость¹⁾.

Сильно увлекались первые Харьковскіе студенты и литературною дѣятельностью. Первыми Харьковскими студентами были по преимуществу питомцы главнаго народнаго училища и коллегіума гдѣ на словесность было обращено особенное вниманіе. Въ университетѣ ихъ литературные вкусы получили дальнѣйшее развитіе. Русскую словесность слушали не одни словесники. Первый преподаватель этого предмета проф. И. С. Рижскій пользовался огромнымъ авторитетомъ въ глазахъ учащагося юношества. По словамъ современника-студента Розальонъ-Сошальскаго, онъ выслушивалъ сочиненія студентовъ, указывалъ на недостатки ихъ и давалъ дѣльные совѣты. Его преемникъ Ив. Евс. Срезневскій (отецъ знаменитаго слависта) и самъ пробовалъ свои силы на стихотворномъ полѣ. Его преемники Р. Т. Гонорскій, А. В. Склабовскій, И. Я. Золотаревъ, В. А. Якимовъ—все печатали стихи, а нѣкоторые даже цѣлые сборники ихъ и за эти „литературные опыты“ получили право преподаванія словесности. И они, подобно Рижскому, оказывали вліяніе на развитіе литературныхъ стремленій студентовъ и на самый характеръ ихъ поэтическихъ опытовъ. Но еще сильнѣе, конечно, дѣйствовало на учащуюся молодежь непосредственное вліяніе русской литературы въ лицѣ ея тогдашнихъ представителей. Царилъ еще дѣятель екатерининскаго вѣка Державинъ; послѣднимъ отголоскомъ XVIII-го вѣка являлся Шишковъ. Но они должны были уступить свое мѣсто писателямъ новаго вѣка: Карамзину, Жуковскому, Крылову, Гнѣдичу, Батюшкову, наконецъ, Пушкину. Нужно впрочемъ сознаться, что русская литература отражалась на произведеніяхъ Харь-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. сов. 1815 г. № 57.

ковскихъ студентовъ какъ бы съ нѣкоторымъ запаздываніемъ, что можно объяснить, вѣроятно, сравнительно позднимъ проникновеніемъ ея въ школу и къ ея преподавателямъ. Въ Харьковскомъ университетѣ мы не видимъ такихъ профессоровъ русской словесности, какъ наставникъ Гоголя въ Нѣжинскомъ лицѣѣ, принимавшій стихотворенія Пушкина за сочиненія лицействова и безпощадно ихъ критиковавшій, но и Рязскій, и его преемники отличались консерватизмомъ и старались держаться старыхъ образцовъ. Извѣстное значеніе здѣсь имѣла также отдаленность Харькова отъ тогдашнихъ литературныхъ центровъ—Петербурга и Москвы. Но въ концѣ 20 и началѣ 30 годовъ студенты Харьковскаго университета уже зачитывались корифеями русской литературы. Студентъ этого времени Н., въ своихъ воспоминаніяхъ, говоритъ: „любимымъ занятіемъ студентовъ, какъ прилежныхъ, такъ и самыхъ лѣньвыхъ было чтеніе періодическихъ изданій и современныхъ произведеній поэзіи и беллетристики. Изъ журналовъ всего болѣе интересовались студенты „Московскимъ телеграфомъ“, „Московскимъ телескопомъ“, и „Вѣстникомъ Европы“, въ которыхъ помѣщали свои статьи Погодинъ, Надеждинъ и Каченовскій. Наша литература и тогда уже была небдѣнна произведеніями поэтовъ и беллетристовъ, изъ которыхъ многие не только высоко цѣнились современниками, но не утратятъ своего достоинства и для отдаленныхъ поколѣній. Наши поэты—Жуковский, Пушкинъ и Лермонтовъ (?), романисты—Загоскинъ, Лажечниковъ, Пелевой, Марлинскій, наконецъ, Гоголь и многіе другіе изъ беллетристовъ того времени находили себѣ самыхъ усердныхъ поклонниковъ между студентами. Произведенія ихъ передавались изъ рукъ въ руки и увлекали своихъ читателей“. Знакомились и съ иностранной литературой. Н. И. Костомаровъ съ увлеченіемъ занимался чтеніемъ въ подлинникъ Виктора Гюго и Гомера.

Наконецъ, нѣкоторое вліяніе должна была оказать и народившаяся уже въ это время малорусская литература, нашедшая въ г. Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ такихъ талантливыхъ выразителей, какъ проф. Гулакъ-Артемовскій и Г. О. Квитка. Современникъ-пѣвчій архіерейскаго хора Пѣхотинскій—свидѣтельствуетъ, что въ его время (до начала 1813 г.) малороссійскія пѣсни царили до такой степени, что захватывали даже чистыхъ великоруссовъ. Какъ извѣстно, впоследствии, въ началѣ 30-хъ годовъ, этому увлеченію поддались Н. И. Костомаровъ и Изм. Ив. Срезневскій и на почвѣ его созданъ рядъ серьезныхъ работъ въ области малорусскаго слова и этнографіи: изъ студентовъ Харьковскаго университета выдѣлялись по литературнымъ талантамъ—Левшинъ и особенно Склабовскій.

Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ въ бытность студентомъ Харьковскаго университета составилъ и напечаталъ въ Харьковѣ въ 1816 году „Письма изъ Малороссіи“, представляющія и литературныя достоинства.

Этотъ первый опытъ внушилъ ему значительный интересъ къ путешествіямъ и географическимъ описаніямъ и онъ впоследствии пріобрѣлъ извѣстность цѣлымъ рядомъ подобныхъ изданій (Истор. и стат. обозрѣніе уральскихъ казаковъ, Описаніе киргизъ кайсацкихъ ордъ, Прогулка русскаго въ Помѣѣ). Былъ товарищемъ министра; въ бытность градоначальникомъ въ Одессѣ основалъ тамъ публичную бібліотеку и нѣсколько училищъ.

Въ 1819 году вышли въ свѣтъ „Опыты въ стихахъ Александра Склабовскаго, Харьковъ, 1819, въ Унив. тип., 179 стр.

Этотъ сборникъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) лирическихъ стихотвореній, 2) посланій и 3) смѣси.

Всѣхъ лирическихъ стихотвореній четыре, изъ коихъ два представляютъ переводы изъ Оссіана, третье—подражаніе Рейрау, а четвертое—Пѣвецъ Творца—носитъ самостоятельный характеръ. Всѣ они проникнуты религіознымъ духомъ. Посланія посвящены друзьямъ Д. Л. Шилову (2), Н. М. Савостьянову (3), И. Я. Золотареву (1) и Щ — ну (1), и носятъ характеръ воспоминаній, изліяній, содержатъ картины природы. Въ смѣси находимъ преимущественно переводы и подражанія изъ Беркена, Карпинскаго, Нарушевича, Монкрифа, Руссо, Гердера, Берни. Одни изъ нихъ представляютъ идилліи, другіе пѣсни и романсы. Темы—ночь, утро, цвѣтокъ, рожденіе розы, зарница, ручей, умирающій лебедь.

Пѣвецъ Творца.

(Посвящается почтенному наставнику и благодѣтелю Г. П. Успенскому).

Мракъ ночи на скалахъ рѣдѣть;
Зарница на небѣ горитъ;
Передразсвѣтны вѣтеръ вѣть,
Колелесть листь, потокъ струить;
Чуть брежжетъ свѣтъ отъ звѣздъ далекихъ;
Луна померкла—и въ глубокихъ
Долинахъ тѣни улеглись;
И край небесъ, и доль съ холмами,
Покрывшись золота струями,
Пурпуровымъ огнемъ зажглись...

Вдали—на холмѣ возвышенномъ,
Облитомъ пламенной зарей—
Сидѣлъ въ безмолвіи священномъ
Природы сынъ—Пѣвецъ молодой,
И ясны, чувства полны, взоры
На токъ, на лугъ, на лѣсъ, на горы,
Предъ нимъ горящи, устремлялъ.
Вздохнувъ, онъ въ думу погрузился..
Вдругъ взоръ его воспламенился!..
Пѣвецъ поспѣшно лиру взялъ.

Притронулся къ струнамъ перстами—
И рокотъ вдругъ и звонъ отъ нихъ
Съ холма понесся вѣтерками..
Пѣвецъ поетъ,—но голосъ тихъ
И выраженъя чувствъ не смѣлы..
Такъ пѣсни юной Филомелы,
При встрѣчѣ первыя весны,
Приятны, нѣжны, слуху милы,
Но робки—трелей звучныхъ силы,
Порывовъ смѣлыхъ лишены.

Есть Богъ—въ томъ сердце увѣряетъ
Меня біеніемъ своимъ;
Есть Богъ—природы гласъ вѣщаетъ:
Въ ней все живетъ, все дышетъ Имъ!
Повѣтъ ли Зефиръ прохладный;
Блеснетъ ли солнца лучъ отрадный
Небесъ съ лазурной высоты
И долъ покроетъ тонкимъ златомъ;
И воздухъ чистымъ ароматомъ
Наполнять травы и цвѣты;

Раздастся ли Перунъ, гремящій
Изъ облакъ надъ моей главой;
Польется ль дождь изъ тучъ шумящій
И наводнить поля собой;
Застонутъ ли лѣса дремучи,
Листъ клубомъ, прахъ, песокъ зыбучій
Съ холмовъ и съ поля полетить;

Вихрь облака взволнуетъ, воды—
Весь ужасъ, всѣ красы природы—
Все, все о Богѣ мнѣ гласить!

—
Кто жъ Богъ сей? Ты, непостижимый
Ты, воли дѣйствиємъ своей
Все сотворившій Духъ,—незримый
Для бранныхъ смертнаго очей,
Умомъ кичливыхъ необъятный,
Но сердцу чистому понятный!
Оно во всей природѣ гласъ
Твой съ тайнымъ трепетомъ внимаетъ,
И отъ любви истаиваетъ
Къ Тебѣ восторга въ сладкій часъ..

—
Воззрю ль на небо—тамъ сіянье
Отъ блеска солнца, звѣздъ, планетъ;
На землю—тихихъ водъ сверканье;
Лугъ, поле, холмы—все цвѣтетъ,—
И все, мой Богъ, Тебѣ покорно..
Ты солнцу рекъ: огонь животворной
Питай, землю согрѣвай,
Долю украшай травой, цвѣтами,
Древа—корой, листомъ, плодами,
Изъ мрака ясный день рождай!..

Къ Н. М. Савостьянову.

(Посвящено Обществу Пріятелей).

Разлуки неизбѣженъ часъ;
Прости другъ незабвенный!
Тебя зоветь на службу гласъ
Отечества священный:
Мы всѣ равно сыны его;
Нашъ долгъ—повиноваться.
О другъ! какъ сладко для него
И съ жизнію разстаться!..
Кто матеръ надъ своею зрѣлъ

Покойной колыбелью;
Кто дѣтство тихое провелъ
Подъ отческою сѣнью;
Кто нѣжныхъ, юношескихъ лѣтъ
Пріятныя мечтанья,
И просвѣщенья тихій свѣтъ,
Надежды и желанья,
И все—чѣмъ нашихъ дней весна,
Какъ юными цвѣтами,
Для насъ бываетъ убрана—
Все раздѣлялъ съ друзьями
Въ предѣлахъ родины святой:
Тотъ можетъ ли прельститься
Надеждой ложныхъ благъ пустой;
Въ край чуждый удалиться;
Забыть родителей, друзей,
Родныхъ небесъ сіянье,
Прелестный видъ луговъ, полей,
Цвѣтовъ благоуханье;
И блескъ журчащихъ ручейковъ,
Зефирами струимыхъ,
И зелень яркую холмовъ,
Денницею златимыхъ?..
О нѣтъ! дары страны родной
Ему всего милѣе;
Онъ къ нимъ привязанъ всей душой!
Какая страсть сильнѣе
Чистѣйшей къ родинѣ любви?
Въ чьихъ взорахъ нѣтъ блистанья,
Огня палящаго въ крови
И въ сердцѣ трепетанья
При сладкомъ имени ея?..
О какъ въ сіе мгновенье
Волнуется душа моя!..
Всесильное стремленье—
Всю жизнь отчизнѣ посвятить—
Меня, другъ, увлекаетъ;
Желаніе—полезнымъ быть—
Мой духъ воспламеняетъ!
Счастливецъ, ты достигнуть могъ

Сей благородной меты!
Лети жъ, куда зоветъ твой долгъ...
Но, милой другъ! обѣты,
Произнесенные тобой:—
Неизмѣнять свободѣ,
Питать огонь дружества святой,
Послушнымъ быть природѣ,—
Какъ счастья залогъ, храни;
Разставшись съ друзьями,
Себѣ и имъ не измѣни;
Съ мірскими суетами—
Стихіей праздныхъ—не дружись;
Наружнымъ не прельщайся:
Подъ нимъ скрытъ часто ядъ; Лаисъ
Коварныхъ удаляйся;
Страшись ихъ позлащенныхъ узъ!..
Все это ослабляетъ
Въ насъ силу чувства, портитъ вкусъ
И душу убиваетъ...
Такъ! море бурное—сей свѣтъ:
Тамъ страсти всѣ въ волненьи;
Тамъ счастья не было и нѣтъ;
Оно въ уединеньи...
Какъ сладко, другъ, заботъ всѣхъ грузъ
Съ плечъ сбросивъ,—въ часъ свободы
Летѣть съ дарами чистыхъ Музъ
Въ объятія природы!
Здѣсь наше счастье живетъ;
Здѣсь все нашъ духъ плѣняетъ;
Все къ наслажденію зоветъ;
Все. нѣжить, восхищаетъ!
И свѣтлый сумракъ по полямъ—
Разстелется небеснымъ:
Ты посвятивши день трудамъ,
Отечеству полезнымъ,
Спѣши хоть часикъ помечтать
Подъ зыбки рощей сѣни;—
Тамъ будутъ надъ тобой летать
Друзей незримы тѣни.
Среди священной тишины,

При мѣсячномъ мерцаньи,
Въ глухомъ стенаніи волны,
И въ робкомъ струй журчаньи,
И въ трепетаніи листовъ
Висящихъ надъ тобою,
И въ вѣяніи вѣтерковъ,—
Растроганный душою,
Ты сладкій ихъ услышишь гласъ...
Грудь трепетомъ священнымъ
Наполнится... и ты, въ тотъ часъ
Мечтою окрыленный,
Какъ бы могучій чародѣй.
Воображенья силою
Перелетишь въ страну друзей—
Въ ихъ кругъ священной мирной...
О другъ! чѣмъ можно замѣнить
Минутъ сихъ наслажденье?
Съ чѣмъ можно оное сравнить?
Пусть это заблужденье,
Мечта!.. почтожъ и не мечтать,
Когда, борясь съ бѣдами,
Себя намъ можно утѣшать
Прелестными мечтами?...
Но часъ насталъ... мой другъ прости!..
Твой спутникъ—Провидѣнье!..
Будь счастливъ; можешь—посѣти
Друзей въ уединеньѣ.
Подъ сѣнью сладкой тишины
Они живутъ безъ нужды;
Имъ блага скудны даны—
И тѣ ихъ сердца чужды.
Избытокъ благъ—для сердца ядъ...
Посредственность святая,
Свой взоръ на юныхъ Феба чадъ
Съ улыбкой обращая,
Какъ другъ, въ ихъ хижинѣ живетъ;
И трудъ ихъ благодатный
Отъ вредной праздности блюдетъ;
И чистый, ароматный—
Заботъ забвенье—Вакха даръ,

Хоть изрѣдка, блистаетъ
На ихъ столѣ... и къ Музамъ жаръ
Въ другихъ воспламеняетъ...
Какъ возвратишься, другъ, нальемъ
Мы кубокъ въ знакъ свиданья;
Послушну музу призовемъ—
И въ міръ очарованья,
Презрѣвши свѣта суеты,
Влетимъ воображеньемъ...
Намъ вмѣсто благъ даны мечты—
Въ нихъ наше наслажденье!—
Забуду ли часы бездѣины
Весеннихъ тихихъ вечеровъ,
Когда съ небесъ воспламененныхъ
Къ вершинамъ западныхъ холмовъ
Катилось знойное свѣтило,
И вѣтви свѣтлыхъ тополей,
И лоно зеркальныхъ зыбей,
И лугъ и поле золотило?—
Мы, очарованы зарей,
На холмѣ бархатномъ зеленомъ
Сѣнистой ивы подъ наклономъ,
Мечтаемъ сладостно съ тобой:
То въ міръ фантазіи крылатой
Летимъ, покинувъ бранный свѣтъ—
Впереди—нашъ опытный вожатой,
Богини вѣрный другъ, поэтъ
Жуковский нѣжный, несравненный;
Его мы Музой вдохновенны,
Терялись въ дивныхъ чудесахъ,
О коихъ онъ друзьямъ вѣщаетъ
Въ неподражаемыхъ стихахъ,
И всѣхъ невольно увлекаетъ
Съ собой, какъ мощный чародѣй
Плѣнительной игрой своей.
Сердца въ насъ тихо трепетали;
И міръ существенный въ тотъ часъ
Блисталъ прекраснѣе для насъ:
Мы наслаждались—мы мечтали!..
Мы бродимъ тихо по кладбищу—

Тамъ обрѣтаемъ сердцу пищу—
Межъ рядомъ камней и крестовъ,
Между обломками гробовъ,
Заросшихъ мхомъ, густой крапивой.
Тамъ спитъ нашъ незабвенный другъ;
Тамъ прахъ его краснорѣчивой,
Какъ въ травкѣ вѣтерокъ, въ нашъ слухъ
Пріятно шепчетъ изъ могилы:
„Не унывайте, други милы!
Смерть не всего лишила васъ:
Я прахомъ здѣсь, но духомъ съ вами;
Не зрите вы меня очами,—
Но въ тихій полуночный часъ—
Какъ все въ природѣ умолкаетъ;
Сквозь дымный завѣсъ облаковъ,
Луна съ полнеба чуть сіяетъ;
Зефиръ на лонѣ спитъ цвѣтовъ;
И вы, обнявшись дружно съ лѣнью,
Покойтесь пріятнымъ сномъ,
Иль съ Музой на струнахъ, тишкомъ
Бряцаете—незримой тѣнью
Надъ вами, нѣжные друзья,
Хранитель нашъ—летаю я...
О други! всѣмъ бѣдамъ презрѣнье!
Здѣсь скорбь минутна; радость—лучъ;
Блеснетъ—и гаснетъ въ мракѣ тучъ...
А вѣчность—ваше назначенье!
Тамъ, сбросивши покровъ земной,
Увидитесь опять со мной...“
И мы, простясь съ его могилой,
Задумчивы идемъ домой:
Ужъ полночь намъ гласить унылый
На башнѣ колокола бой;
Вкругъ насъ священное молчанье;
И всюду таинственный мракъ,
Лишь дикое совы стenanье,
Крикъ пѣтеля и лай собакъ
Тревожатъ тишину полночи...
Лишь изъ-за тучи лунный свѣтъ,
Иль, вспыхнувъ, огонь порой сверкнетъ,

Блудящій въ воздухѣ, намъ въ очи...
Или въ саду—въ тѣни алей,
Изъ липъ, акацій, тополей,
Вверху соплетшихся вѣтвями,
Гдѣ изрѣдка сверкаль златой
Вечерній лучъ,—рука съ рукой—
З... нашъ милый съ нами—
Мы бродимъ, погружаясь въ мечты...
И слышимъ, какъ древесъ листы,
Лобзаясь съ вѣтеркомъ, трепещутъ,
Какъ страстно въ густотѣ вѣтвей
Журчить и стонетъ соловей;—
И тихо съ неба звѣзды блещутъ;
И златорогая луна,
Въ печальный крепъ облечена,
Спѣшитъ за лѣсъ по небосклону,
Къ уснувшему глубокимъ сномъ,
Прелестному Эндимиону...
То вдругъ серебристымъ облачкомъ,
Въ тоскѣ, закроетъ ликъ печальный—
Безъ милаго не милъ ей свѣтъ—
То взоромъ, полнымъ слезъ, блеснетъ—
И устремить въ потокъ кристальный...
И мы, плѣненные мечтой,
Какъ очарованы, стояли;
Прощались съ блѣдною луной,
И, какъ младенцы, лепетали.
Нескладные стихи ей въ честь—
Безъ риѣмъ, безъ связи—какъ ни есть—
Не въ силахъ скрыть сердечна жара...
Иль въ зимній скучный вечерокъ,
Собравшись въ дружеской кружокъ,
При тихомъ шумѣ самовара,
При яркомъ свѣчки огонькѣ,
Съ дрожащей чашкою въ рукѣ,
Читаемъ страшныя баллады:
Вотъ надъ стремниной Громобой!..
Вотъ пирь... Вотъ колокола бой...
Вотъ Асмодея грозны взгляды,
И звукъ цѣпей, и тьма бѣсовъ

Вокругъ съ разверстыми когтями...
Вотъ старецъ съ свѣтлыми очами,
Гремишь перунъ изъ облаковъ—
Гласъ милости и отверженья!..
Вотъ дымъ кадилъ и ликовъ пѣня—
И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ..
Вотъ спящи дѣвы—огнь ланитный
Какъ у живыхъ;—вотъ верхъ гранитный
Зубчатыхъ стѣнъ,—утесъ у вратъ;
И дѣвы по стѣнамъ блуждаютъ:
Приди, Спаситель!—восклицають.
И вотъ... чрезъ рѣки, горы къ нимъ,
Страны полночной юный житель,
Серебрянымъ звонкомъ водимъ,
Летитъ желанный искупитель!..
Тамъ бури свистъ и грома ревъ,
Вой вихрей, шумъ и трескъ деревъ,—
Гигантъ,—дѣвица подъ скалою...
Здѣсь Кіевъ—тронъ съ княжной младою:
Герой ничѣмъ неколебимъ!

П Ъ С Н Я.

Могу ли я забыть—о другъ мой ты мечтала,
Что разлюбить легко впервые полюбя;
Ты прелестей своихъ могущества не знала,
Ни сердца моего—могуль забыть тебя?
Могу ли я забыть, когда томимъ тоскою,
Какъ блага отъ небесъ, я ждалъ небытія;
Ты свѣтлымъ гениемъ явилась предомною—
И жизнь я полюбилъ—могуль забыть тебя?
Могу ли я забыть, когда ты взоръ прелестный,
Съ стыдливой робостью склонила на меня
И трепетъ сладостный, и пламень, мнѣ безвѣстный,
Въ грудь томную влила—могуль забыть тебя?
Могу ли я забыть, когда души въ смятеньи
Узрѣлъ въ твоихъ очахъ жизнь нову для себя
И голосъ ангельской услышалъ въ восхищеньи,
Что я любимъ тобой—могуль забыть тебя?